E17 875

875
47605
1218

Н. П. Тимофѣевъ.

Ш 4016

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ

ВЪ

РОССІИ.

СУДЕБНЫЯ ОЧЕРКИ.

0JJ21

Москва.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій переулокъ, № 5.
1881.

Дозволено цензурою, Москва, 27 сентября 1881 года.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 15660 1968

По поводу настоящаго изданія.

Со дня введенія у насъ суда присяжныхъ, прошло уже болѣе пятнадцати лѣтъ.

Столь значительный промежутокъ времени, представляетъ собою достаточный періодъ для того, чтобы составить характеристику нашего новаго суда, и сдѣлать ему болѣе или менѣе вѣрную оцѣнку, не на основаніи какихъ либо общихъ и теоретическихъ соображеній о достоинствахъ суда присяжныхъ вообще, а по тѣмъ результатамъ его дѣятельности, которые мы имѣемъ возможность наблюдать, какъ въ судѣ, такъ и въ обыденномъ теченіи нашей жизни.

Такого рода характеристика, можетъ быть сдѣлана, только на основаніи тщательнаго изученія дѣятельности у насъ суда присяжныхъ, и полнаго ознакомленія съ его бытовыми и мѣстными особенностями, а это достигается тѣмъ взаимнымъ соотношеніемъ между обществомъ и судомъ, которое является послѣдствіемъ его гласности.

Масса публики посѣщающей постоянно судебныя засѣданія, множество отдѣльныхъ представителей суда, въ лицѣ судей, прокуроровъ, защитниковъ и самихъ присяжныхъ засѣдателей, ежедневно, путемъ своихъ личныхъ наблюденій и выносимыхъ изъ судебныхъ засѣданій впечатлѣній, имѣютъ возможность обстоятельно и разносторонне, изучать всѣ функціи отправленія у насъ суда присяжныхъ.

Но дѣло въ томъ, что всѣ эти отдѣльныя впечатлѣнія, съ проистекающими изъ нихъ выводами, составляя результатъ наблюденій каждаго отдѣльнаго лица, въ тоже время проходятъ для другихъ совершенно безслѣдно, не дѣлаясь общественнымъ достояніемъ.

Между тѣмъ нельзя отвергать, что всѣ подобнаго рода отдѣльные выводы, замѣчанія, и наблюденія, надъ жизнію и дѣятельностію нашего суда присяжныхъ, представляютъ собою общій для всѣхъ интересъ, и будучи предметомъ взаимнаго обмѣна мыслей, между людьми, принад-

лежащими къ развитой части общества, могутъ въ своемъ цѣломъ, представить обильный матеріалъ, для всесторонней оцѣнки на нашей отечественной почвѣ суда присяжныхъ, для изученія того вліянія, которое онъ оказалъ на нашу народную жизнь.

Результаты такого рода личныхъ наблюденій, представляютъ собою ту еще существенную важность, что они констатируютъ факты, взятые прямо изъ жизни, затрогиваютъ вопросъ о дѣятельности присяжныхъ засѣдателей въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, и касаются этой дѣятельности ихъ, со всѣхъ доступныхъ для наблюденія сторонъ.

Все это даетъ возможность, установить общую характеристику учрежденія у насъ суда присяжныхъ, и изъ данныхъ, основанныхъ на несомнѣнныхъ фактахъ, на живыхъ наблюденіяхъ людей, соприкасавшихся въ судахъ съ дѣятельностію присяжныхъ засѣдателей, дать ему ту справедливую и серьезную оцѣнку, которую онъ вполнѣ заслуживаетъ, представить въ наглядной формѣ общую картину того, какимъ явился у насъ въ Россіи этотъ совершеннѣйшій изъ всѣхъ идеаловъ суда—судъ непринужденной человѣческой совѣсти.

И вотъ, не смотря на то, что въ судахъ нашихъ, уже относительно большой промежутокъ времени, раздается рѣшающій голосъ свободной непринужденной совѣсти присяжныхъ засѣдателей, попытки обрисовать общую дѣятельность ихъ, въ той или другой литературной формѣ, у насъ до сихъ поръ почти еще не было.

Продолжительное служеніе мое въ вѣдомствѣ судебныхъ установленій, образованныхъ по уставамъ 20 ноября 1864 года, дало мнѣ возможность, изъ личныхъ моихъ наблюденій, собрать достаточный матеріалъ, для нѣкоторой характеристики нашего суда присяжныхъ и разработки связанныхъ съ нимъ вопросовъ.

Эти наблюденія мои слагались изъ всего того, что могли мнѣ дать, многочисленныя судебныя засѣданія съ присяжными засѣдателями, въ которыхъ я принималъ участіе, при самыхъ разнообразныхъ составахъ присяжныхъ, въ столицахъ, въ губернскихъ городахъ и уѣздныхъ центрахъ, изъ ознакомленія моего съ пріемами, употребляемыми присяжными засѣдателями на судѣ, для уясненія себѣ обстоятельствъ дѣла, способами нравственной оцѣнки ими личностей подсудимыхъ и многими другими подобными обстоятельствами.

Кромѣ того, интересуясь всегда внутреннею стороною жизни суда присяжныхъ, я не упускалъ никогда случая, подмѣтить или уловить

въ ихъ рѣшеніяхъ, тотъ или другой руководившій ихъ совѣстью мотивъ, а путемъ личныхъ моихъ съ ними собесѣдованій, весьма часто, пріобрѣталъ такія свѣдѣнія, наталкивался на столь трезвыя и здравыя сужденія ихъ, которыя обличали въ присяжныхъ способность, разрѣшать просто но ясно, иногда самыя запутанныя обстоятельства, и оріентироваться въ своемъ положеніи судей, строго опредѣленнымъ тактомъ, безпристрастіемъ и главное, осторожностію.

Въ другихъ случаяхъ, обмѣнъ мыслей съ присяжными засѣдателями, раскрывалъ передо мною, глубокій нравственный смыслъ постановляемыхъ ими рѣшеній, обнаруживалъ крайнюю сдержанность ихъ, при обсужденіи предлагавшихся на разрѣшеніе ихъ вопросовъ, указывалъ на разумное направленіе воли и совѣсти ихъ, къ достиженію возможно справедливаго приговора.

Наконецъ, не рѣдко путемъ такого обмѣна, объяснялись передо мною весьма просто и далеко незамысловато, тѣ недоумѣнія и сомнѣнія, которыя возникали иногда невольно, послѣ провозглашенія нѣкоторыхъ оправдательныхъ и обвинительныхъ вердиктовъ, казавшихся на первый по крайней мѣрѣ разъ, подъ первымъ впечатлѣніемъ, трудно объяснимыми, если не непостижимыми.

Само собою разумѣется, что иногда мнѣ приходилось наблюдать и неудовлетворительныя стороны дѣятельности нашихъ присяжныхъ засѣдателей, подмѣчать ошибки и упущенія ихъ, неизбѣжныя впрочемъ въ каждомъ человѣческомъ дѣлѣ; но такіе случаи были рѣдки, и являлись какъ исключенія изъ общаго правила.

Значительный запасъ, находящагося въ моемъ распоряженіи указаннаго выше матеріала, о дѣятельности суда присяжныхъ, навелъ меня на мысль, о систематической обработкѣ его, для составленія и изданія въ свѣтъ сборника, подъ заглавіемъ «Судъ Присяжныхъ въ Россіи.» Но, не надѣясь на возможность осуществленія этого предположенія своего, только при посредствѣ собственныхъ своихъ силъ, съ другой же стороны, не посягая на право дѣлать какіе-либо выводы о судѣ присяжныхъ, на основаніи личныхъ только своихъ наблюденій, взглядовъ и убѣжденій, я рѣшился обратиться съ просьбою о содѣйствіи мнѣ въ осуществленіи моей цѣли, ко всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, лицамъ и учрежденіямъ, которыя по свойству своихъ обязанностей, занятій и профессій, могли бы оказать мнѣ въ этомъ дѣлѣ свою помощь.

Въ этихъ видахъ, я въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1879 года, составилъ и

издалъ небольшую брошюру, въ которой изложилъ, какъ будущій характеръ моего сборника, такъ равно и имѣющіяся въ виду при составленіи его цѣли, а въ Іюнѣ мѣсяцѣ того-же года, въ дополненіе къ этой брошюрѣ, выпустилъ въ свѣтъ подробную программу, включивъ въ нее около тысячи разнаго рода вопросовъ, тезисовъ и положеній, которые въ разработанномъ видѣ должны были составить, содержаніе предположеннаго мною сборника.

Какъ брошюра, такъ равно и программа, въ значительномъ числѣ экземпляровъ, были мною безплатно разосланы, весьма многимъ представителямъ судебнаго вѣдомства, прокуратуры, адвокатуры, членамъ судебно-мировыхъ и земскихъ учрежденій, и многимъ другимъ мѣстамъ и лицамъ, на содѣйствіе которыхъ по доставленію мнѣ матеріала для сборника, я имѣлъ основаніе болѣе или менѣе расчитывать.

Для приданія большей гласности предпринимаемому мною изданію, экземпляры брошюры разосланы были, во всѣ наиболѣе распространенные столичные и провинціальные періодическіе журналы и газеты, а также въ библіотеки и кабинеты для чтенія. Кромѣ того, нѣкоторое количество брошюры и программы, пущено было въ продажу для всѣхъ желающихъ.

Наконецъ, въ теченіи болѣе двухъ лѣтъ, я не переставалъ дѣлать публикаціи, о предпринимаемомъ мною трудѣ, вызывая постоянно желающихъ, оказать мнѣ свое посильное сотрудничество, по доставленію необходимаго для составленія сборника матеріала.

На призывъ мой откликнулись весьма многія лица, и изъ разныхъ мѣстностей Россіи, я получилъ не мало самыхъ разнообразныхъ сообщеній и характеристическихъ указаній, относительно жизни и дѣятельности нашего суда присяжныхъ.

Издаваемые мною нынѣ въ свѣтъ настоящіе очерки, составляютъ въ разработанномъ видѣ, результаты того матеріала, который я до сего времени получилъ и которымъ могъ располагать, включая сюда и свою личную судебную практику.

Добавлю еще, что пособіемъ въ настоящемъ трудѣ моемъ, иногда служила мнѣ, и текущая литература послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, поскольку она касалась, различнаго рода разбираемыхъ мною вопросовъ.

Н. Тимофѣевъ.

Товарищъ Прокурора Московокаго Окружнаго Суда.

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ВЪ РОССІИ.

СУДЕБНЫЕ ОЧЕРКИ.

I.

Введеніе въ Россіи Суда Присяжныхъ.

Судебные Уставы 20 Ноября 1864 года, въ исторіи развитія и совершенствованія нашей общественной жизни, представляютъ собою одно изъ наиболѣе крупныхъ явленій.

Ни одна изъ реформъ настоящаго царствованія, послѣ освобожденія крестьянъ, не была встрѣчена съ тѣмъ живымъ сочувствіемъ, съ тѣмъ неподдѣльнымъ восторгомъ, съ которыми наше общество, встрѣтило судебную реформу.

Это и понятно.

Интересы праваго суда — интересы слишкомъ существенные для того, чтобы общество могло относиться къ нимъ безучастно, а въ этомъ отношеніи, наши прежніе суды, съ ихъ теоріею формальныхъ доказательствъ, съ ихъ признанными несовершенствами и весьма многими существенными недостатками, отзывались слишкомъ тяжело на нравственной жизни общества.

Уставы 20 Ноября въ полномъ ихъ составѣ, введены были впервые, какъ извѣстно, въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, и намъ доселѣ памятно то общественное возбужденіе, которое овладѣло всѣми въ то время, когда ставшія на очереди уголовныя дѣла, заключились первыми провозглашенными приговорами присяжныхъ засѣдателей.

Дни 17 и 23 Апрѣля 1866 года, такъ достойно чтимые и по настоящее время, всѣми представителями судебнаго міра, никогда не изгладятся изъ памяти русскаго народа, какъ первые провозвѣстники открытія новаго гласнаго суда—суда милостиваго, суда правды и справедливости.

Первыя засѣданія суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, походили на какія-то священно-дѣйствія.

Присяжные засѣдатели со страхомъ и трепетомъ, приступали къ отправ-

ленію своихъ обязанностей, священнослужители продолжительными и исполненными глубокаго религіознаго чувства увѣщаніями, внушали присяжнымъ, на первыхъ же порахъ своей судейской дѣятельности, явить собою примѣръ вполнѣ доблестныхъ судей. Сами судьи, на долю которыхъ выпалъ счастливый жребій, быть первыми представителями новаго гласнаго суда, съ понятнымъ чувствомъ достоинства и сознанія высокаго своего значенія, выступали въ публичныхъ засѣданіяхъ суда, въ обстановкѣ невиданнаго еще у насъ, торжественнаго судебнаго разбирательства.

Отъ новаго гласнаго суда и развитое общество наше, ждало чего-то необычайнаго.

Убѣжденіе, что первенствующимъ элементомъ въ новомъ судѣ, будетъ свобода непринужденной совѣсти присяжныхъ, внушало то довѣріе къ суду, которое сдѣлалось теперь, общественнымъ достояніемъ почти уже всей Россіи. Но еще большимъ впечатлѣніемъ, отражалось введеніе суда присяжныхъ въ средѣ менѣе развитой, въ глухой провинціи напримѣръ, гдѣ масса простаго народа, на неизвѣстныя еще ей обязанности присяжныхъ засѣдателей, смотрѣла какъ на нѣчто для нея недосягаемое.

Въ то время, когда судъ присяжныхъ, только что вводился еще у насъ, можно было подмѣтить въ средѣ простолюдиновъ, одно нелишенное интереса явленіе.

Не зная еще, въ чемъ заключается сущность этого новаго суда, и какими правами могутъ располагать присяжные засѣдатели, призываемые въ составъ суда, простолюдины однакоже отлично понимали, что въ этихъ судейскихъ обязанностяхъ присяжныхъ, главную роль будетъ играть совѣсть ихъ.

И вотъ, ограждая достоинство этого суда совѣсти, относясь къ нему съ тѣмъ высокимъ уваженіемъ, которое имъ внушало понятіе о судѣ, простолюдины-присяжные, на первыхъ же порахъ своей дѣятельности, выказывали извѣстное умѣніе, ограждать свою среду присяжныхъ, отъ соучастія въ ней элементовъ неблагонадежныхъ.

Въ одномъ изъ окружныхъ судовъ, вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, на уѣздной сессіи, присяжные засѣдатели полнаго уже состава, выбранные для рѣшенія дѣла, заявили предсѣдателю, что въ средѣ ихъ находится одинъ крестьянинъ, съ которымъ они «судить не могутъ», потому что «совѣсти у него нѣтъ».

Судъ былъ крайне озадаченъ такимъ заявленіемъ присяжныхъ и тѣмъ еще болѣе, что опозоренный своими сотоварищами присяжный засѣдатель крестьянинъ, ничего не возразилъ противу такого заявленія, а напротивъ, какъ бы въ подтвержденіе его, потупилъ глаза и отошелъ въ сторону.

— Какъ же это такъ, у него, говорите вы, нѣтъ совѣсти, обратился предсѣдательствующій къ прочимъ присяжнымъ засѣдателямъ.

— Потому, отвѣчалъ одинъ изъ его односельцевъ, что когды онъ волостнымъ судьей былъ, на волости значитъ, у насъ судилъ, дюже водкой онъ бралъ за судейство свое, за тое его и ссадили съ волостныхъ судьевъ.

По заключенію товарища прокурора, судъ, въ виду коллективнаго заявленія односельцевъ этого присяжнаго, о его судейской неблагонадежности, вычеркнулъ его совсѣмъ изъ списка присяжныхъ.

Нѣсколько похожій на этотъ случай, былъ въ другомъ окружномъ судѣ, гдѣ тоже простолюдины-присяжные засѣдатели, зарекомендовали себя со стороны крайне строгаго отношенія къ своимъ судейскимъ обязанностямъ.

Дѣло въ томъ, что еще передъ открытіемъ судебнаго засѣданія, составивъ изъ себя нѣсколько отдѣльныхъ группъ, они объ чемъ-то между собою горячо переговаривались, какъ будто спорили.

Оказалось, что они предположили сдѣлать суду заявленіе о томъ, что въ средѣ ихъ находится одинъ присяжный—баринъ, который, по ихъ словамъ «хоша и дворянином прозывается, одначе дѣла не дворянскія дѣлаетъ».

На распросы судебнаго пристава, присяжные засѣдатели объяснили, что они «этого барина хорошо знаютъ, потому, какъ онъ на весь уѣздъ огласку имѣетъ, съ Теренинской Горы у солдатки Павлушихиной дочку обидѣлъ, такимъ значитъ дѣломъ непотребнымъ, и жалилась на него солдатка тая, да деньгами откупился онъ, а потому не можно ему судить другихъ, когды онъ самъ не по закону дѣлаетъ».

Эти пересуды присяжныхъ, дошли конечно, и до барина-присяжнаго; вѣроятно, ему не особенно интересно было, выслушать публично такую аттестацію о своей особѣ, а потому онъ призналъ за лучшее, уйдти изъ состава присяжныхъ по собственному почину, и отретировался домой.

Судъ по открытіи засѣданія, оштрафовалъ его за неявку въ засѣданіе тремя рублями, тѣмъ дѣло и кончилось.

Подобные случаи имѣютъ свое значеніе.

Они наглядно показываютъ, какъ присяжные засѣдатели, даже изъ простолюдиновъ, въ первое же время, по введеніи новаго суда, поставили высоко обязанности своего призванія, съумѣли проникнуться сознаніемъ, что только чистые, незапятнанные элементы, должны войдти въ составъ суда совѣсти, и что въ этомъ судѣ, не могутъ быть терпимы такіе общественные представители, съ личностями которыхъ, несовмѣстимы понятія, о людяхъ достойныхъ и совѣстливыхъ.

Газеты и журналы временъ введенія суда присяжныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, полны самыхъ разнообразныхъ указаній на то, какъ въ каждой отдѣльной мѣстности, населеніе встрѣчало учрежденіе института присяжныхъ, въ чемъ народъ видѣлъ главное достоинство этого рода судебнаго представительства, и съ какими понятіями и убѣжденіями, выступали на судейскую дѣятельность наши первые присяжные.

Вотъ нѣсколько сообщеній, полученныхъ лично нами по тому же поводу изъ разныхъ мѣстъ.

Въ одну изъ уѣздныхъ коммиссій, по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей, трое крестьянъ, получившихъ извѣщенія, объ избраніи ихъ въ присяжные, явились съ заявленіемъ, прося освободить ихъ «на первый

разъ» отъ обязанности судей «поколь присмотрятся», какъ народъ по умнѣе ихъ будетъ судить, «потому тоже судъ дѣло Божье, великое, такъ зря, не вѣдавши, несуразно идти».

Ходатайство крестьянъ было уважено, они изъ первой очереди присяжныхъ, были перенесены въ третью, а въ теченіи первой сессіи, несмотря на то, что она шла лѣтомъ, прибывъ нарочито въ городъ, неуклонно высидѣли въ судѣ во все время сессіи, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за тѣмъ, какъ присяжные судили и рѣшали дѣла.

Въ нѣсколькихъ случаяхъ представители сельскаго и городскаго населенія, попавшіе въ списки присяжныхъ, для предварительнаго ознакомленія своего съ сущностью суда присяжныхъ, обращались съ просьбою о томъ, къ участковымъ мировымъ судьямъ, и вообще къ лицамъ компетентнымъ въ дѣлѣ новаго суда.

Наконецъ, нельзя не указать и на одинъ еще случай, когда по назначеніи сессіи въ одномъ уѣздномъ городѣ, городскіе представители, получившіе повѣстки о явкѣ ихъ въ судъ въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, командировали изъ среды себя, трехъ присяжныхъ въ губернскій городъ, въ окружный судъ, съ тѣмъ, чтобы они тамъ ознакомились съ новыми распорядками «какъ на счетъ присяжныхъ тамъ дѣла разбирать, чтобы всячески не обухами передъ судомъ явиться, и на себя конфузу и страмоты не наложить».

Подобные примѣры служатъ доказательствомъ того, съ какою осторожностью, первые присяжные засѣдатели, приступали къ своимъ обязанностямъ, и кромѣ того свидѣтельствуютъ, о крайне строгомъ отношеніи къ самимъ себѣ тѣхъ лицъ, которыя впервые являлись на судъ, въ новой и мало извѣстной еще имъ роли судей совѣсти.

По этому же предмету, приводимъ въ подлинникѣ письмо одного сельскаго священника, въ которомъ онъ описываетъ личныя свои и нѣкоторыхъ изъ его прихожанъ впечатлѣнія, по поводу назначенія въ ихъ мѣстности «перваго суда съ присяжными».

«Прошелъ знаете это у насъ слухъ на приходѣ, и въ волости объявленіе отъ гражданской власти—пишетъ священникъ въ письмѣ своемъ—что наѣздъ въ городъ къ намъ будетъ, губернскаго окружнаго суда, для судбища преступниковъ, и нашего села тремъ мужичкамъ, прихожанамъ моимъ, еще задолго до того повѣстки пришли, быть, по удостоенію начальства, присяжными засѣдателями».

«Пришли они ко мнѣ съ лицами озабоченными, сугубо серьезными, такъ молъ и такъ, батюшка, говорятъ, какъ таперя быть намъ, по судейскому дѣлу требуютъ насъ на окружный въ городъ, народъ разный за провинности сказываютъ, судить; ну, какъ ты ёво сказываютъ, судить будешь, когды ничего того невидано, не знаешь какъ, а передъ Богомъ, чтобъ сумлѣнія за свою ошибку не взять, и тоже всякое такое, чтобъ дѣло по душѣ сдѣлать?»

«Стали это просить они меня—пишетъ далѣе священникъ—разсказать имъ,

какимъ порядкомъ судъ будетъ, какое т. е. ихъ положеніе на судѣ выйдетъ, какъ, да что имъ дѣлать. Ну, разсказалъ я имъ, какъ зналъ, по уставу судебному прочелъ про ихъ обязанности; будетъ говорю вамъ, кромѣ того на самомъ судѣ объясненіе, отъ предсѣдателя суда, и по пастырскому долгу напомнилъ имъ, чтобы совѣсть свою они помнили, по правдѣ судили бы, потому присягать будутъ. Вотъ они: страшно батюшка горазъ говорятъ, ну, какъ не потрафишь сказываютъ, осудишь, да не такъ. Очень поосторожились, и по совѣту моему, что на такое великое дѣло, безъ Божьяго благословенія идти не подобаетъ, пожелали на судбище съ молитвой отправиться».

«На утро, какъ собрались уже въ дорогу, пришли они ко мнѣ; сельчане многіе провожали ихъ, отрядили имъ отъ общества подводу; въ храмъ Божій пошли мы, молебенъ имъ отслужилъ я, чтобы Господь ихъ на судейское дѣло мудростью наставилъ; добрымъ словомъ понапутствовалъ — уѣхали. Черезъ недѣлю наши выборщики-присяжные назадъ, прямо съ дороги ко мнѣ; узнали про это односельцы, нашло народу цѣлая ярмарка: «Разскажи, молъ, дядя Егоръ, какъ судили»; Панкрата-старика просто затеребили; ну и какъ пошли они это говорить, уже безъ опаски, а такъ съ спокойной души, какъ они присягу принимали, какъ дѣла слушали, и какъ тамъ весь этотъ порядокъ былъ — заслушались всѣ. Вотъ говорятъ батюшка, когда судъ настоящій пришелъ, настоящій значитъ, по совѣсти, отъ милостивца; одинъ, говорятъ, человѣкъ ошибется, два ошибутся, а тутотка было насъ на каждомъ дѣлѣ съ запасомъ-то четырнадцать человѣкъ; значитъ, говорятъ, коли всѣ ужъ скажутъ кому—виноватъ, такъ ужъ доподлинно тотъ виноватъ; ну и все же виноватому строгаго принужденія нѣтъ, а коли что онъ повинился, можно суду сказать, значитъ — молъ жалостно его, это-то есть по нашему — снисхожденія заслуживаетъ».

«Великое дѣло въ нашей сельской жизни судъ присяжныхъ—такъ заканчиваетъ свое письмо нашъ корреспондентъ іерей — онъ обновилъ въ понятіи народа многія такія вѣрованія, которыя въ немъ почти перестали уже существовать».

Правительствующій сенатъ, въ журналѣ своемъ отъ 19 февраля 1880 года, по поводу празднованія двадцатипятилѣтія царствованія, въ Бозѣ почившаго Государя Императора, обозрѣвая реформы, возвеличившія Россію за это двадцатипятилѣтіе, между прочимъ, относительно дѣятельности суда присяжныхъ выразился, что введеніе этого суда, способствовало распространенію въ массѣ народа чувства законности.

И это нельзя не признать совершенно справедливымъ.

Масса народа, говоритъ тотъ же журналъ, имѣвшая въ прежнее время весьма смутное понятіе о значеніи суда, и способахъ его отправленія, по невѣжеству своему, весьма часто не знала даже того, что наказуемо и что дозволено, что по закону составляетъ преступленіе, и что не воспрещается подъ страхомъ наказанія. Присяжные засѣдатели, ставшіе изъ рядовъ массы народа въ положеніе судей, подъ просвѣщающимъ руководствомъ коронnаго

суда, освоились весьма скоро съ тѣми нравственными понятіями и взглядами, которые присущи всякому развитому обществу; прислушиваясь къ рѣчамъ обвинителей и защитниковъ, они научились и въ обыденной обстановкѣ своей житейской прозы, отличать бѣлое отъ чернаго, сознательно понимать тѣ идеальные интересы, которые преслѣдуетъ уголовный судъ; они научились уважать личность своего ближняго, и своими знаніями и опытностію, явились свѣточами темной до того среды своей, которая въ области права не знала никакихъ другихъ элементовъ, кромѣ силы и богатства.

Равенство передъ судомъ, столь рельефно проведенное въ судѣ присяжныхъ, произвело на общество, самое живое впечатлѣніе; совѣсть двѣнадцати избранныхъ судей, сразу явила себя непоколебимымъ оплотомъ правды, милости и справедливости, равенство для всѣхъ стало яснымъ.

И дѣйствительно, на первыхъ же порахъ своей дѣятельности, присяжные засѣдатели всевозможныхъ оттѣнковъ, выказали весьма много замѣчательнаго такта, а въ приговорахъ ихъ яркими красками, отразилась настоящая общественная совѣсть; они научились въ короткое время держать себя съ тѣмъ достоинствомъ, которое присуще положенію и званію судьи.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ о дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій, за время съ 17 мая по 17 ноября 1866 года, министръ юстиціи между прочимъ указывалъ, что участіе присяжныхъ засѣдателей въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, и сопряженная съ нимъ торжественность отправленія правосудія, возвысили общее уваженіе къ судебнымъ установленіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сблизили взаимнымъ довѣріемъ составъ суда со всѣми слоями общества. Отчетъ съ большою похвалою отзывается объ уѣздныхъ присяжныхъ засѣдателяхъ, состоявшихъ по большей части изъ крестьянъ.

Они оправдали вполнѣ, говорится въ этомъ отчетѣ, возложенныя на нихъ надежды, разрѣшая правильно и удовлетворительно, въ наибольшей части случаевъ самые трудные вопросы.

Наравнѣ съ словами этого отчета, пресса и печать съ замѣчательнымъ единодушіемъ относились къ институту присяжныхъ, сознавая, что дѣло новаго суда стало у насъ на вполнѣ подготовленную почву.

По этому же поводу, одинъ изъ провинціальныхъ земскихъ дѣятелей, касаясь присяжныхъ изъ крестьянъ, пишетъ намъ слѣдующее: «Мы помнимъ какъ передъ введеніемъ у насъ суда присяжныхъ, въ обществѣ нашемъ выражались опасенія за то, можно-ли ввѣрить дѣло суда, а съ нимъ и судьбу нерѣдко цѣлыхъ семействъ, необразованной, неразвитой и грубой массѣ присяжныхъ изъ крестьянъ».

«Время прошло, судебные уставы ввелись у насъ, наши присяжные стали дѣйствовать... и преждевременныя опасенія за умѣлость ихъ рушились».

«Грубый необразованный мужикъ, на судѣ дѣлался человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова, обстановка суда, боязнь отвѣта передъ своею совѣстью, и присяга предъ Богомъ, лучше всякой западно-европейской дрессировки, вліяли на нашъ простой людъ, и выводили на служеніе дѣлу правосудія, его чистые инстинкты, его доброе отношеніе къ ближнему».

«Мы разомъ перестали бояться крестьянъ-присяжныхъ, мало того, теперь въ составахъ суда мы ихъ даже ищемъ, мы вѣримъ имъ, и безбоязненно отдаемся ихъ совѣсти».

До какой степени введеніе суда присяжныхъ, являло собою благодѣяніе для общества, какъ сильна была вѣра въ правдивость и милость этого суда, могутъ служить тѣ многочисленные примѣры изъ практики нашихъ прежнихъ судовъ, когда подсудимые и лица, заинтересованныя въ дѣлахъ, въ ожиданіи введенія судебной реформы, нерѣдко умышленно затягивали свои дѣла, принимали мѣры къ тому, чтобы производимыя объ нихъ и по жалобамъ ихъ слѣдствія, поступили бы уже на разсмотрѣніе новыхъ судовъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, а не въ старые, закрывающіеся суды.

Инстинктъ человѣческой совѣсти, въ этихъ стремленіяхъ сказался крайне наглядно.

Завзятые преступники, у которыхъ повидимому была уже потеряна всякая совѣсть, тяготѣли однако же къ тому суду, въ которомъ эту совѣсть они осуществляли въ своемъ понятіи, въ видѣ правды и милости.

Намъ извѣстны весьма многіе случаи, когда до введенія еще судебной реформы, арестанты, прослышавъ о преимуществахъ новаго суда, обращались къ различнымъ властямъ съ просьбами и ходатайствами о томъ, чтобы судъ надъ ними пріостановить до тѣхъ поръ, пока „не наѣдутъ новые суды“, и когда эти ходатайства арестантовъ, не были уважаемы, по неимѣнію къ тому законныхъ поводовъ, то многіе изъ нихъ умышленно затягивали свои дѣла, новыми на себя извѣтами въ фиктивныхъ преступленіяхъ, лишь бы какъ нибудь, затянуть время, и подвести себя подъ новый судъ.

Желаніе имѣть дѣло съ новымъ судомъ, обусловливалось иногда и другими мотивами.

Такъ, напримѣръ, по дѣлу, производившемуся въ старомъ порядкѣ, вдова капитана, по жалобѣ которой начато было у судебнаго слѣдователя дѣло, объ изнасилованіи ея дочери — обратилась къ слѣдователю съ просьбой о томъ, чтобы онъ замедлилъ въ окончаніи это слѣдствіе возникшее по ея ходатайству.

«Для васъ, господинъ судебный слѣдователь, писала она въ своемъ прошеніи, это не можетъ составить никакого препятствія или расчета, а для меня это составитъ предметъ очень важный».

«Я не надѣюсь, продолжала она, на старый судъ, потому что прямыхъ доказательствъ въ обидѣ моей дочери не имѣю и представить не могу, и къ тому же вы знаете, что обидчикъ ея, со связями и съ вѣсомъ. Мнѣ мудрено съ нимъ судиться, когда за него, конечно, пойдетъ судебное мнѣніе, и бѣдной дѣвушкѣ, гувернанткѣ его, не дадутъ вѣры противу его рѣчей; а на новый судъ, я съ Божіей помощью надѣюсь, что сиротскія слезы моей обиженной дочери, дойдутъ до совѣсти присяжныхъ».

Къ сожалѣнію и это сокровенное ходатайство старушки просительницы, осталось безъ послѣдствій; ожиданія ея оправдались, «судебное мнѣніе»,

какъ она выразилась, сказалось не за ея дочь, и репутація бѣдной оскорбленной дѣвушки, осталась невозстановленною.

Еще случай въ нѣсколько иномъ родѣ.

Находившійся на свободѣ подсудимый чиновникъ, обвинявшійся своимъ начальствомъ въ подлогахъ и растратѣ, передъ самымъ поступленіемъ его дѣла въ судебное установленіе стараго порядка, не понадѣясь, вѣроятно, тоже на его судебное мнѣніе, чтобы задержать рѣшеніе своей участи—скрылся съ мѣста своего жительства, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ бѣжалъ даже за границу, и затѣмъ явился самъ собою съ повинною только тогда, когда въ той мѣстности были открыты новые суды съ присяжными засѣдателями.

Этому подсудимому угрожало строгое наказаніе, а нерасположеніе къ нему начальства его, не предвѣщало ему благопріятнаго исхода. Между тѣмъ, присяжные его оправдали потому, что раскрывъ передъ ихъ свободною совѣстью свои небольшіе грѣшки, онъ въ то же время разоблачилъ болѣе крупныя прегрѣшенія тѣхъ властей, которыя отдали его подъ судъ, оставшись сами въ сторонѣ.

И такихъ случаевъ, въ періодъ «переходнаго состоянія нашихъ судовъ», было не мало.

«По нашему дѣлу желательно намъ, чтобы примѣрно судили насъ новымъ судомъ, писалъ одинъ арестантъ убійца въ слезномъ прошеніи своемъ на имя уѣзднаго стряпчаго, потому, какъ осудить человѣка, мало какъ есть знать, кто убилъ, и шабашъ, а доподлинно по Божецкой совѣсти, разобрать слѣдоваетъ за что, и изъ какихъ дѣловъ убилъ, потому и мы сами себѣ понимаемъ, что убивство наше и грѣхъ нашъ, одначе совѣсти мы не потеряли и кому если по сердцу нашу дѣль разсказать, всякъ за насъ слезы утретъ, какъ много мы горя видали, и сами себѣ не хоча такой грѣхъ взяли».

Эта выписка изъ арестантскаго прошенія указываетъ, какъ тонко и вѣрно, понималъ и опредѣлялъ простой народъ, суть и главное достоинство суда присяжныхъ, такъ сказать, заслугу его даже передъ тяжкими преступниками.

Въ настоящее время, присяжные засѣдатели, провозглашаютъ свои совѣстливые, справедливые и милостивые приговоры, на пространствѣ почти уже всей Россіи, и нужно ли указывать на то, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ того же тѣ мѣстности, гдѣ по разнымъ причинамъ, судъ присяжныхъ до сихъ поръ не могъ еще быть введенъ.

II.

Вліяніе суда присяжныхъ на общество.

Правильно устроенный, достойно и справедливо отправляемый судъ, играетъ важную роль, въ нравственной и соціальной жизни народа. Онъ служитъ огражденіемъ правъ и неприкосновенности личности гражданъ, онъ охраняетъ

ихъ имущественные интересы, въ немъ заключается защита ихъ противъ всякаго произвола, неправды и несправедливости.

Но не въ этомъ одномъ только, заключается вся задача суда, по современнымъ взглядамъ науки права, и понятіямъ, всякаго развитаго и образованнаго общества.

Уголовный судъ, карая преступника за совершенное имъ противозаконное дѣяніе, возстановляя приговоромъ своимъ, то или другое нарушенное право, въ то же самое время, и что всего важнѣе, преподаетъ урокъ обществу, указывая ему на послѣдствія всякаго правонарушенія.

Говоря словами юристовъ, этимъ опредѣляется воспитательное значеніе приговоровъ суда для общества, и конечно, чѣмъ общество менѣе развито, чѣмъ ничтожнѣе распространены въ немъ здравыя понятія и сужденія, о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ, чѣмъ наконецъ ниже, уровень умственнаго развитія этого общества, тѣмъ это воспитательное значеніе, не только самихъ приговоровъ, но даже и судебнаго процесса, пріобрѣтаетъ большее значеніе и выражается въ болѣе наглядной формѣ.

Публичность суда въ такихъ случаяхъ, играетъ самое существенное значеніе, такъ какъ путемъ гласнаго судебнаго разбирательства, при массѣ слушающаго народа, всѣ функціи отправленія правосудія, могутъ вполнѣ достигать до общества.

Весьма важное значеніе, въ дѣлѣ вліянія суда присяжныхъ на общество, играетъ и его авторитетность, его нравственный режимъ.

Только то можетъ съ пользою вліять, на здравые взгляды и честныя убѣжденія людей, что по ихъ понятіямъ само чисто, свято и справедливо.

Въ этомъ напримѣръ отношеніи, нельзя сказать, чтобы наши прежніе суды, производили-бы какое-либо доброе впечатлѣніе на общество. Они дѣйствительно имѣли, устрашающее значеніе, но только не въ его желаемомъ смыслѣ, а въ совершенно обратномъ. Прежняго суда, боялись не столько сами подсудимые, сколько другія прикосновенныя къ дѣлу лица. Неправда, подкупы, право сильнаго и богатаго, такъ полноправно царившіе, въ нашихъ судахъ добраго стараго времени, отучали народъ отъ суда, заставляли обѣгать его, а не искать у него защиты, внушали народу понятія не о справедливости, а о томъ, что правъ будетъ тотъ, кто больше дастъ; отъ судейскаго произвола, волокитства и крючкотворства разныхъ канцелярскихъ лиходѣевъ и вампировъ, народъ по возможности сторонился, не искалъ за свою обиду, забывалъ про нее, лишь бы не знаться съ судомъ, въ которомъ не совѣсть и не долгъ, а деньги, играли нерѣдко самую солидную роль. Не даромъ потому, и болѣе чѣмъ вѣрно, было какъ-то проведено въ нашей современной печати, сравненіе нашего прежняго суда съ паутиной, въ которой вязли только мелкія мушки и букашки, а крупныя мухи прорывали эту паутину, и проскальзывали невредимо для себя.

Такой судъ конечно, былъ далекъ отъ того, чтобы внушить къ себѣ какое-либо уваженіе; достаточно уже того, что авторитетъ его держался

только благодаря понятію о правѣ начальства карать и миловать, а потому онъ и не имѣлъ въ народѣ никакого нравственнаго значенія.

Но вотъ, благодаря реформѣ 20 ноября 1864 года, совершеннѣйшій судъ всего образованнаго человѣчества, судъ свободной, ничѣмъ, кромѣ присяги, не связанной человѣческой совѣсти, сдѣлался и нашимъ достояніемъ.

Представители нашего суда, наши присяжные, вышли изъ среды народа, лучшіе выборные граждане общества, изъ всѣхъ сословій, явились нашими фактическими судьями, а потому и всякія сомнѣнія относительно достоинства судей, и ихъ нравственныхъ качествъ, устранились сами собою.

Вопросъ о вліяніи суда на общество, стоитъ въ самой тѣсной зависимости отъ того, въ какой степени, органы этого суда, соприкасаются съ народомъ, или даже и прямо выходятъ изъ него, какъ въ учрежденіи суда присяжныхъ.

Въ этомъ отношеніи, судъ присяжныхъ, имѣетъ совершеннѣйшее и исключительное преимущество, передъ всякими другими формами суда, такъ какъ главными непосредственными въ немъ дѣятелями, являются присяжные, какъ люди, выходящіе изъ среды общества.

Присяжные—это лучшіе достовѣрнѣйшіе и достойнѣйшіе граждане общества.

Никакое другое представительство, какъ представительство самыхъ благонадежныхъ гражданъ, не можетъ совмѣщать въ себѣ лучшихъ для отправленія суда гарантій, въ правдѣ и справедливости.

А если составъ суда, въ такомъ случаѣ, является выразителемъ общественной правды и справедливости, лучшаго мнѣнія общества, о каждомъ данномъ дѣлѣ, то и приговоръ такого суда, конечно долженъ быть признанъ, въ смыслѣ глубокаго авторитетнаго для общества значенія.

Данныя, выработавшіяся судебной практикой, и наблюденія надъ дѣятельностію суда присяжныхъ, указываютъ, что вліяніе приговоровъ присяжныхъ въ общественной жизни, между прочимъ выражается:

а). Въ уменьшеніи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вообще числа преступленій; б) въ таковомъ же пониженіи въ иныхъ мѣстностяхъ, цифры такого рода преступленій, на которыя, въ силу мѣстныхъ обычаевъ и существующихъ понятій, присяжные засѣдатели смотрятъ по преимуществу строго; в) въ повсемѣстно замѣчаемомъ увеличеніи количества сознающихся въ преступленіяхъ подсудимыхъ, и г) въ нравственномъ подчиненіи общества авторитетности приговоровъ присяжныхъ.

Кромѣ того, приговоры присяжныхъ, являютъ собою отъ времени до времени, выраженіе общественнаго мнѣнія, публичнаго порицанія и энергичнаго протеста, направляемыхъ противу отдѣльныхъ лицъ, корпорацій и учрежденій, которымъ ничего подобнаго, въ другой какой-либо формѣ, выражено никогда быть не можетъ.

А это тоже одна изъ заслугъ суда присяжныхъ.

Цифры судебной статистики, указываютъ намъ, что во многихъ мѣстностяхъ, послѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, число преступленій,

значительно уменьшилось. Это уменьшеніе, по отзывамъ многихъ судебныхъ дѣятелей, можетъ быть объяснено именно тѣми особенностями, которыми обставлена рѣшающая дѣятельность суда присяжныхъ.

Прежняя система судопроизводства, представляла всѣ данныя для того, чтобы выйдти изъ преступленія безнаказаннымъ.

Неудовлетворительность предварительныхъ слѣдствій, медленность въ теченіи дѣлъ, система формальныхъ доказательствъ, масса разнаго рода злоупотребленій, и наконецъ возможность, избѣгая прямыхъ отвѣтовъ предъ лицемъ суда, затягивать дѣло до безконечности—дѣлали то, что при прежнемъ порядкѣ судопроизводства, вѣроятная возможность уличить преступника, была затруднена во многихъ случаяхъ до нельзя.

Отъ этого происходила увѣренность въ безнаказанности, которая само собою поощряла порочныхъ людей на дальнѣйшія преступленія.

Эта печальная обстановка сразу перемѣнилась по введеніи въ дѣйствіе суда присяжныхъ.

Быстрое энергичное слѣдствіе, хотя и не безъ нѣкоторыхъ иногда исключеній невозможность затемнять дѣло безполезными изворотами, и наконецъ необходимость гласнаго личнаго предстательства каждаго подсудимаго, передъ судомъ совѣсти своихъ согражданъ, круто измѣнили порядокъ отправленія правосудія.

Убѣжденіе въ неподкупности и нелицепріятіи суда, наряду съ прискорбнымъ иногда для подсудимыхъ сознаніемъ, о невозможности обмануть совѣсть двѣнадцати человѣкъ, наконецъ, эта невольно навязывающаяся каждому подсудимому мысль, что для присяжныхъ важнѣе всего заглянуть въ душу его, и не разбирать формальныя доказательства его виновности — остановили конечно, весьма многихъ людей съ зачатками порочныхъ инстинктовъ, отъ преступныхъ поползновеній.

Не всѣ люди съ преступными склонностями, непремѣнно бываютъ люди, утратившіе уже всякое чувство стыда и нравственной опрятности, и если многіе изъ нихъ, при томъ или другомъ искушеніи, бываютъ неспособны внять голосу своей совѣсти, то для многихъ изъ такихъ лицъ, одна перспектива появленія на скамьѣ подсудимыхъ, передъ лицемъ общественной совѣсти, представляетъ собою достаточный мотивъ для того, чтобы хотя и подъ вліяніемъ этой причины, остаться чистымъ, назапятнаннымъ человѣкомъ.

А что публичность суда, необходимость дать гласное объясненіе о своей винѣ, для всякой неиспорченной еще вполнѣ человѣческой личности, являются необходимостью крайне тяжелою, объ этомъ, мнѣ кажется, нечего и говорить.

Положимъ, практика нашихъ прежнихъ судовъ, не даетъ намъ примѣровъ того, чтобы лица, обвинявшіяся въ преступленіяхъ, изнемогали бы отъ нравственнаго сознанія своей преступности, но за то наши новые суды, весьма часто даютъ намъ возможность, наблюдать то отрадное явленіе, что подчасъ и люди, заматерѣлые въ преступленіяхъ, подъ напоромъ совѣсти и глазъ судившихъ ихъ присяжныхъ, покрайней мѣрѣ въ эти переживаемые ими мо-

менты, дѣлались людьми въ строгомъ смыслѣ слова и приближались къ своему честному прошлому.

А такое явленіе—явленіе достойное вниманія.

Оно въ глазахъ общества разоблачаетъ во всемъ проявленіи, могущество человѣческой совѣсти, заставляя весьма многихъ своевременно вспоминать объ ней, пріурочивать къ ней свои дѣянія, поступки и прегрѣшенія.

— Ужъ очень, господа, на этомъ судѣ присяжныхъ страмота беретъ, объяснялъ намъ однажды подсудимый изъ весьма порядочныхъ людей, но случайно, въ нетрезвомъ видѣ, совершившій кражу, чистосердечно сознавшійся въ ней и оправданный присяжными. Ничего, кажись, не возьмешь, жисти не радъ будешь, какъ это зачнутъ про тебя всякія такія дѣла разбирать, продолжалъ онъ, какъ примѣрно воровалъ, тое да сёе, да съ какихъ дѣловъ самое это себѣ въ голову взялъ; и стыдъ это тебя передъ людьми беретъ и самому на себя злобостно, какъ значитъ судъ этотъ поглядѣмши, да самихъ присяжныхъ, ужъ не отъ суда боязно становится, а думаешь какъ бы въ такомъ дѣлѣ, супротивъ совѣсти господамъ присяжнымъ, не пришлось въ глаза глядѣть.

Въ одной изъ южныхъ губерній, въ двухъ, трехъ уѣздахъ, вслѣдствіе-ли мѣстной нравственной распущенности, или же взглядовъ и понятій довольно не развитой крестьянской среды, преступленія противъ чести и цѣломудрія женщинъ, имѣли, такъ сказать, чуть не повальный характеръ.

Встрѣтить дѣвушку или женщину и изнасиловать ее, даже гдѣ-нибудь не въ уединенномъ мѣстѣ, а публично, напримѣръ, на покосѣ, въ присутствіи другихъ мущинъ, на жнитвѣ, въ присутствіи другихъ женщинъ, которыя при этомъ не только что не вступались за обижаемую, но, напротивъ, въ той или другой формѣ поощряли еще ловкость и удальство молодца—считалось дѣломъ чуть-чуть не обыденнымъ.

Въ крайнихъ только случаяхъ, ближайшіе родственники потерпѣвшей, требовали иногда отъ обидчика матеріальнаго вознагражденія «за свою кровь», деньгами, хлѣбомъ, всякой домашней всячиной или скотомъ, а самый фактъ насилія, не признавался ими въ смыслѣ преступленія, въ силу того общераспространеннаго въ этой мѣстности убѣжденія, «что значитъ, мальцу непочувать, когды она не сама».

При существованіи такихъ взглядовъ, понятія о женской чести въ этихъ уѣздахъ, доходили до минимума, матери выводили своихъ дочерей чуть не на базаръ, оцѣнка дѣвственности доходила до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ, и въ одномъ случаѣ, за изнасилованіе 17 лѣтней дѣвушки, обвиняемый крестьянскій пастухъ заплатилъ ея отцу на мировую, 2 пары изготовленныхъ имъ лаптей и пару подмѣтокъ, потому что никакого другаго имущества у него въ то время не было.

До суда въ прежнее время, такія дѣла не доходили потому, что крестьяне не считали это за обиды и своихъ жалобъ никому не заносили. Но вотъ два, три подобныхъ дѣла, совершенно случайно, благодаря только тому, что

между потерпѣвшими и обидчиками не произошло мировой, перешли въ «новый судъ», и обвиняемые предстали предъ судомъ присяжныхъ.

Товарищъ прокурора, знакомый съ мѣстными обычаями и взглядами, воспользовавшись своимъ правомъ отвода, съумѣлъ составить присутствія присяжныхъ по этимъ дѣламъ настолько удачно, что въ нихъ вошли исключительно лишь лица интеллигентныя, представителей же отъ крестьянъ присяжныхъ, на первомъ дѣлѣ совсѣмъ не было, а въ составъ присутствій по второму и третьему дѣлу, ихъ вошло очень немного, отъ 2 до 4 человѣкъ.

Въ тщательно обработанной рѣчи, товарищъ прокурора обрисовалъ вполнѣ всю безнравственность и тяжелыя послѣдствія для потерпѣвшихъ отъ этого рода преступленій. Основательными доводами своими, представитель обвинительной власти убѣдилъ присяжныхъ, взглянуть на дѣло съ должною строгостью, и они дѣйствительно вынесли всѣмъ троимъ подсудимымъ обвинительные приговоры, несмотря даже на то, что во второмъ случаѣ, судебное слѣдствіе открыло обстоятельства, служившія къ косвенному извиненію поступка подсудимаго.

Присутствовавшая въ засѣданіяхъ суда, масса простаго народа, не поняла даже сразу настоящаго значенія приговоровъ присяжныхъ, и тогда только родичи всѣхъ троихъ обвиняемыхъ, пришли къ сознанію о значеніи этихъ вердиктовъ, когда судъ провозгласилъ приговоры, о присужденіи обвиненныхъ къ ссылкѣ на разные сроки въ каторжныя работы.

Тутъ только завыли матушки и батюшки, тутъ только вся слушавшая эти дѣла малоразвитая масса, пришла къ заключенію, что «се діло богацькое».

По удостовѣренію участвовавшаго въ засѣданіяхъ этихъ, товарища прокурора, приговоры эти произвели сильное впечатлѣніе на слушателей изъ крестьянъ и конечно, послужили многимъ, весьма внушительнымъ урокомъ въ будущемъ—урокомъ, къ сожалѣнію, потребовавшимъ искупительныхъ жертвъ въ лицѣ троихъ паробковъ.

Случаи, подобные описаннымъ, представляютъ собою не единичныя явленія, ихъ можно указать весьма много, и они подтверждаютъ то общее, высказываемое весьма многими провинціальными и преимущественно сельскими жителями убѣжденіе, что гласный публичный судъ присяжныхъ, способствуетъ во многомъ къ уменьшенію въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ числа преступленій.

Но на ряду съ такими выводами, слѣдуетъ остановиться однако же и на другомъ явленіи, подмѣченномъ многими нашими судебными дѣятелями и даже административными властями.

Явленіе это, находящее себѣ подтвержденіе и въ цифрахъ судебно-уголовной статистики, заключается въ томъ, что во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде совершалось весьма мало преступленій, со введеніемъ суда присяжныхъ, число таковыхъ вдругъ значительно возросло, и увеличилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ два и даже три раза противу прежняго.

Это фактъ, констатированный цифровыми отчетами, многихъ изъ окружныхъ судовъ.

Что означаетъ этотъ несомнѣнный фактъ, идущій въ совершенный разрѣзъ, съ указаннымъ нами выше общимъ явленіемъ, объ уменьшеніи вообще числа преступленій въ мѣстностяхъ, гдѣ введены уже судебные уставы 20 ноября 1864 года?

Противники нашего суда присяжныхъ, недостатка въ которыхъ у насъ не было и нѣтъ, не преминули указать на это увеличеніе преступленій, какъ на послѣдствія безнаказанности, связавъ эту безнаказанность, какъ слѣдствіе съ причиной, со значительнымъ количествомъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ.

Такимъ образомъ и это явленіе, объясняемое гораздо проще и разумнѣе, послужило поводомъ недоброжелателямъ нашего новаго суда, кинуть въ него незаслуженнымъ упрекомъ въ непригодности, все на основаніи одного и того же излюбленнаго повода—значительнаго числа оправдательныхъ вердиктовъ.

Въ сущности же это далеко не такъ, и значительное количество возникающихъ въ иныхъ мѣстностяхъ уголовныхъ дѣлъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, должно быть отнесено также къ явленіямъ, указывающимъ на достоинства и преимущества новаго суда, и главнымъ образомъ, къ тому довѣрію, которое онъ возбудилъ въ обществѣ.

Отчеты судебныхъ мѣстъ и наблюденія многихъ лицъ судебнаго вѣдомства указываютъ, что если въ иныхъ мѣстностяхъ, количество дѣлъ о преступленіяхъ, по введеніи суда присяжныхъ, значительно увеличилось, то это не отъ того, что въ массѣ народа, вслѣдствіе судебной распущенности и безнаказанности, развилось и возникло болѣе безнравственныхъ началъ, а потому, что въ прежнее время, весьма многія преступленія, по недовѣрію и антипатіи потерпѣвшихъ къ старымъ судамъ, оставались безгласными, не будучи возбуждаемы потерпѣвшими и доводимы ими до свѣдѣнія надлежащихъ властей.

Наша личная судебная дѣятельность, въ теченіи около восемнадцати лѣтъ, распредѣляется почти поровну между старыми и новыми судебными установленіями. Но намъ мало приходилось наблюдать такихъ случаевъ, чтобы за исключеніемъ дѣлъ казенныхъ управленій, въ прежніе уѣздные суды, магистраты, ратуши и уголовныя палаты, поступали-бы какія-либо дѣла по заявленіямъ и жалобамъ частныхъ лицъ, о кражахъ на ничтожныя копѣечныя суммы.

И преступленія болѣе серьезныя, нерѣдко оставлялись потерпѣвшими при прежнемъ порядкѣ судопроизводства безъ огласки и обжалованія, почти всегда того только ради, чтобы не имѣть непроизводительной волокиты по нелюбимымъ народомъ судамъ, съ ихъ канцеляріями подъяческаго характера и крючкодѣйскаго направленія. А если въ глазахъ закона матеріальная ничтожность кражи, какъ одинъ изъ элементовъ преступнаго дѣянія, не должна имѣть болѣе или менѣе важнаго значенія, то съ этой точки зрѣнія, обильное возникновеніе въ новыхъ судахъ дѣлъ о самыхъ ничтожныхъ даже кражахъ, должно быть отнесено къ прямымъ достоинствамъ, а не недостаткамъ суда.

Въ этомъ случаѣ въ вѣдомствѣ нашихъ общихъ судовъ произошло тоже

самое явленіе, которое повсемѣстно было замѣчено при введеніи мировыхъ судебныхъ установленій, а именно, что доступность, простота и увѣренность въ справедливую защиту закона, сразу породили массу такого рода ничтожныхъ дѣлъ, возбуждать которыя въ прежнее время, никому не пришло бы даже и въ голову.

Какъ въ прежнее время мудрено было встрѣтиться въ низшихъ судахъ съ жалобами, напримѣръ, за незначительное личное оскорбленіе, такъ равно среднія и высшія инстанціи суда, не были обременены, какъ теперь, разборомъ ничтожныхъ дѣлъ о кражахъ со взломомъ, какого-нибудь горшка молока, десятка огурцовъ или нѣсколькихъ полѣнъ дровъ.

А такого рода дѣла, возникающія повсемѣстно въ значительномъ количествѣ, до того наводняютъ наши окружные суды, что въ послѣднее время не разъ высказывались даже предположенія, объ изъятіи такихъ дѣлъ изъ юридической подсудности присяжныхъ засѣдателей и объ отнесеніи ихъ къ вѣдомству мировыхъ судей.

Несомнѣнно, что столь значительное количество ничтожныхъ дѣлъ, появляющихся на судѣ присяжныхъ, не составляетъ особенно утѣшительнаго явленія, и можно желать объ отнесеніи къ обязанностямъ присяжныхъ, въ устраненіе чрезмѣрнаго обремененія ихъ, только дѣлъ болѣе серьезныхъ; но это желаніе должно проистекать изъ совершенно иныхъ,—такъ сказать, сторонникъ причинъ; съ точки же зрѣнія науки права и отвлеченныхъ понятій объ отрицательныхъ и положительныхъ достоинствахъ суда, такое обиліе ничтожныхъ дѣлъ, возникающихъ въ вѣдомствѣ общихъ судебныхъ установленій, указываетъ лишь на тотъ авторитетъ, который установился въ обществѣ во взглядахъ на судъ совѣсти, на то довѣріе, которое этотъ судъ внушилъ къ себѣ, всѣмъ ищущимъ въ немъ защиты и огражденія своихъ даже ничтожнѣйшихъ правъ.

Двери суда въ интересахъ строгой правды, должны быть открыты и доступны для всякаго, ищущаго правосудія, какъ бы не была ничтожна иногда его обида, и будь предметомъ такой обиды какая-нибудь неважная жалоба за украденую курицу, или же требованіе судебной защиты по одному изъ наиболѣе тяжкихъ преступленій, судъ въ равной степени вниманія долженъ выполнить свои обязанности и въ томъ и въ другомъ случаѣ.

И вотъ, это-то правдивое правило, достойно проведено во всей дѣятельности нашего суда присяжныхъ.

Одинъ изъ провинціальныхъ судебныхъ слѣдователей пишетъ намъ между прочимъ слѣдующее: «число дѣлъ по моему участку послѣ введенія у насъ въ дѣйствіе суда присяжныхъ, понизилось на очень незначительную цифру, несмотря на то, что всѣ маловажныя дѣла перешли отъ меня и стали поступать уже къ двумъ мировымъ судьямъ. Объясняю я это тѣмъ, что народъ, видя передъ собою доступность суда, быстроту его и увѣренный всегда въ справедливой защитѣ, сталъ относиться гораздо ревнивѣе къ огражденію своихъ интересовъ».

«У насъ въ уѣздѣ, пишетъ тотъ же судебный слѣдователь—издавна извѣстенъ былъ за отъявленнаго конокрада, нѣкто отставной солдатъ, по прозванію Жмурка. Много лошадей перевелъ онъ на своемъ вѣку, многихъ крестьянъ обидѣлъ, многихъ и совсѣмъ разорилъ, сидѣлъ и въ тюрьмѣ, раза три былъ судимъ даже уголовной палатой, но почти всегда выходилъ изъ суда безнаказаннымъ, такъ какъ оставленіе его въ постоянномъ подозрѣніи онъ не считалъ для себя за что-либо. Всѣ крестьяне знали его за вора, но уличить никогда вполнѣ не могли, потому что многіе изъ боязни его мщенія совсѣмъ на него не жаловались, а иные, что знали про него, по той же причинѣ не говорили. Я напримѣръ, знаю, что одна деревня въ числѣ семи дворовъ, положительно платила ему контрибуцію въ размѣрѣ до 4 руб. въ годъ съ лошади, лишь бы онъ ихъ не воровалъ, но ни одинъ изъ этихъ крестьянъ, несмотря на мои распросы, никогда не рѣшался мнѣ прежде объ этомъ сказать».

«Отчего вы рѣдко на него жалуетесь, вѣдь онъ у васъ почти въ каждой деревнѣ лошадей воровалъ? случалось мнѣ иногда спрашивать тѣхъ или другихъ крестьянъ, приходившихъ ко мнѣ по дѣламъ въ камеру, пишетъ судебный слѣдователь въ письмѣ своемъ».

«На него, ваше благородіе, жалиться, ладу не будетъ отвѣчали мнѣ крестьяне, съ судомъ дѣло затѣешь, оны (подразумѣваются писцы уѣзднаго суда) всю мошну вытрясутъ; лучше такъ: пропала коняка, ну и Богъ съ ней, а то судиться... судомъ только себѣ хлопотовъ не оберешься, а Жмурка потоль коня далече уведетъ».

«Таковы были мнѣнія и сужденія крестьянъ до введенія судебной реформы».

«Но вотъ картина мѣняется».

«Во второй половинѣ 1878 года и въ нашей мѣстности былъ введенъ судъ присяжныхъ. Не посчастливилось отъ него на первыхъ же порахъ многимъ проходимцамъ, не ушелъ отъ него далеко и Жмурка».

«Наши крестьяне присяжные сразу узнали всю силу и право новаго суда. Сельское населеніе встрепенулось, и по первому же почину одного крестьянина, противу Жмурки возбуждено было въ одномъ только моемъ участкѣ около 20 дѣлъ о разныхъ кражахъ лошадей, совершенныхъ имъ за два и за три года тому назадъ, и до того остававшихся не обжалованными».

«Жмурка не уцѣлѣлъ».

«Крестьяне припомнили ему на судѣ, всѣ его прежніе грѣхи, а присяжные крестьяне обвинили его, и онъ скоро былъ высланъ въ Сибирь».

На личностяхъ подсудимыхъ, доброе вліяніе суда присяжныхъ сказывается между прочимъ въ томъ, что при настоящемъ порядкѣ уголовнаго процесса, добровольное сознаніе на судѣ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ становится все чаще и чаще. При прежнемъ порядкѣ судопроизводства, собст-

венныя сознанія подсудимыхъ, представляли явленіе чрезвычайно рѣдкое, несмотря на то, что приведеніе преступника къ сознанію, составляло всю задачу, чуть не все стремленіе прежнихъ слѣдователей.

Для того, чтобы исторгнуть отъ подсудимаго это сознаніе, существовало даже спеціальное указаніе на то, чтобы подсудимаго увѣщевать чрезъ священника сдѣлать признаніе, причемъ въ видѣ поощренія къ тому, слѣдователь обязанъ былъ объяснять подсудимому, что сознаніе смягчаетъ въ значительной степени передъ закономъ вину его.

И все таки, несмотря на такія мѣры, сознанія подсудимыхъ были рѣдки, да и тѣ имѣли, такъ сказать, принудительный характеръ, такъ какъ въ основѣ ихъ лежало все таки не раскаяніе обвиняемаго, не непринужденная его добрая воля, а настойчивыя убѣжденія слѣдователя, или же группировка такихъ сильныхъ, неотразимыхъ уликъ, которыя волей неволей вынуждали подсудимаго сознаться.

Впрочемъ, если на сознаніе человѣка въ своей винѣ смотрѣть, какъ на нравственное воздѣйствіе на него его совѣсти, то передъ кѣмъ же въ прежнія времена, совѣсть эта должна была испытывать тѣ или другія колебанія для того, чтобы въ концѣ концовъ вылиться наружу добрымъ и чистосердечнымъ порывомъ раскаянія.

Прежняя система судопроизводства, относилась къ подсудимому черство, жёстко и только формально, его судили заочно, судили по бумагамъ, не давали возможности высказаться, добрымъ побужденіямъ души его, если даже онѣ у него и возникали, а потому и сознанія подсудимыхъ были рѣдки.

Теперь далеко не то.

Съ перваго же появленія своего въ залѣ суда, каждый подсудимый сознаетъ нынѣ, что онъ вступаетъ въ обстановку живаго совѣстливаго судбища, гдѣ лично онъ съ своимъ добромъ и зломъ, долженъ предстать передъ проницательною совѣстью двѣнадцати избранныхъ для него судей.

Въ такомъ положеніи человѣка, на первомъ планѣ является у него и его совѣсть, и вотъ эта-то совѣсть инстиктивно и подсказываетъ ему, что лучшимъ поступкомъ его на судѣ будетъ чистосердечное, откровенное сознаніе своей виновности, какъ бы она ни была иногда велика.

Въ другихъ случаяхъ сознанія подсудимыхъ, имѣютъ еще нѣсколько иной характеръ.

При обвиненіяхъ въ тяжелыхъ преступленіяхъ, какъ напримѣръ въ убійствахъ подъ вліяніемъ той или другой страсти, подсудимые нерѣдко и сами сознаютъ, что въ преступленіи своемъ они не могутъ быть по совѣсти признаны безусловными преступниками; они понимаютъ, что въ ихъ тяжелыхъ положеніяхъ, есть однако же такіе проблески чего-то внушающаго къ нимъ состраданіе, что̀ можетъ быть съ пользою для нихъ усвоено только совѣстью ихъ судей, передъ которою они должны повѣдать свой грѣхъ.

Въ такихъ случаяхъ подсудимые безъ всякихъ колебаній, разоблачаютъ передъ судейскою совѣстью присяжныхъ, свои тяжкіе грѣхи, въ надеждѣ на

милостивое и снисходительное къ нимъ отношеніе, и конечно, никогда почти въ этомъ не ошибаются.

Если тѣ и другія, передъ судомъ присяжныхъ сознанія, являются послѣдствіемъ доброй воли самихъ подсудимыхъ, собственнымъ побужденіемъ ихъ, и нравственной потребностью, разоблачить передъ судомъ совѣсти свою преступную, а нерѣдко и страдающую душу, то такія явленія, какъ свидѣтельствующія о высоконравственномъ воздѣйствіи на душу и сердце человѣка, и исключительно судомъ присяжныхъ обусловливаемыя, должны быть поставлены ему въ одну изъ самыхъ важныхъ и серьозныхъ заслугъ его.

Изъ статистическихъ отчетовъ судебныхъ мѣстъ можно усмотрѣть, что процентъ сознающихся на судѣ подсудимыхъ, изъ года въ годъ увеличивается, а это служитъ признакомъ, что элементъ совѣсти въ душевныхъ побужденіяхъ нашей преступной среды, получаетъ все большее и большее развитіе.

Мы имѣемъ нѣсколько сообщеній изъ разныхъ мѣстъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ процентъ сознающихся подсудимыхъ бываетъ иногда на судѣ великъ.

Такъ на сессіи Окружнаго Суда въ одномъ уѣздномъ городѣ, по 26 назначеннымъ къ слушанію дѣламъ, изъ общаго числа 33 подсудимыхъ, 22 человѣка сознались въ своихъ преступленіяхъ, тогда какъ на предварительномъ слѣдствіи, сознавшихся было всего только нѣсколько человѣкъ.

Въ другомъ случаѣ, на сессіи въ губернскомъ городѣ, сознанія подсудимыхъ явились на судѣ совершенною для всѣхъ неожиданностію, почти по половинѣ дѣлъ.

Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ сообщаетъ намъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось выступать защитникомъ подсудимыхъ, какъ по добровольному съ ними соглашенію, такъ и по назначенію отъ суда, онъ при первомъ же свиданіи съ подсудимыми, прежде всего совѣтывалъ имъ сознаться на судѣ, конечно, тогда только, когда изъ предварительнаго ознакомленія съ дѣломъ убѣждался самъ въ виновности ихъ.

По удостовѣренію этого присяжнаго повѣреннаго, въ первые три года судебной практики его, изъ 84 подсудимыхъ, которыхъ онъ защищалъ, 26 сознались на судѣ, во второе трехлѣтіе на 112 защитъ у него было уже 42 сознанія, и наконецъ, въ слѣдующіе три года на 106 защитъ, сознавшихся подсудимыхъ было у него уже 59.

Во многихъ тюремныхъ замкахъ, въ средѣ арестантовъ, успѣло уже сложиться убѣжденіе, основанное на ихъ личныхъ выводахъ и наблюденіяхъ, что присяжные больше всего оправдываютъ такихъ подсудимыхъ, которые сознаются; отсюда между арестантами существуетъ иногда такой пріемъ: вопреки своему побужденію и желанію сознаться — умышленно не признавать себя виновнымъ на судѣ, для того, чтобы присяжные не оправдали.

Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ подобныхъ случаевъ.

Молодая крестьянка, при самыхъ сильныхъ уликахъ, обвинялась въ покушеніи на отравленіе мышьякомъ своего мужа, который однакоже остался живъ.

На судѣ она упорно отрицала свою виновность, несмотря на то, что усомниться въ таковой нельзя было ни на одну минуту.

Между тѣмъ, личность подсудимой внушала къ себѣ полную симпатію, видно было, что рѣшиться на такое преступленіе ей стоило не малой душевной ломки; судебное слѣдствіе выяснило крайне тяжелую и неприглядную картину жизни ея въ деспотической семьѣ, а потому, какъ-то странно было видѣть въ ней такое упорство и запирательство, когда сознаніе ея несомнѣнно давало бы ей шансъ на оправданіе.

Она однакоже, до конца стояла на своемъ, что она не виновата, и присяжные ее обвинили.

Что же впослѣдствіи оказалось.

Содержась въ тюрьмѣ съ другими арестантками, она выражала передъ ними опасеніе за то, что, пожалуй, ее оправдаютъ. Она инстинктивно понимала, что на судѣ многое выяснится за неё, что её пожалѣютъ, а ей во чтобы то ни стало хотѣлось быть осужденной, уйдти хоть въ Сибирь, на каторгу, лишь бы избавиться отъ своей домашней каторги.

И вотъ, по совѣту многихъ завзятыхъ арестантовъ, чтобы избѣгнуть нежелаемаго оправданія, она рѣшилась на судѣ упорно запереться, показаться наглой, безстыдной, по словамъ арестантовъ, «зафарсистой».

— Когды передъ господами присяжными прибѣднишься, въ раскаяніи себя и въ чистомъ признаніи покажешь, завсегда тебя оправятъ, и отъ суда ослобонятъ, говорили ей въ тюрьмѣ арестанты, а примѣрно упрись на своемъ: не виновата-молъ, форсу своего покажи—вѣрно обвиноватятъ.

Подсудимая послушалась добраго совѣта и достигла своей цѣли, «съ нежелаемой» каторги, попала на настоящую «желаемую».

Отсюда одинъ выводъ, что сознанія и раскаянія подсудимыхъ, являются какъ одно изъ послѣдствій суда присяжныхъ, суда милостиваго и совѣстливаго.

Перейдемъ теперь къ вопросу о значеніи въ смыслѣ общественномъ приговоровъ присяжныхъ.

Судебные приговоры прежнихъ дореформенныхъ временъ, по крайней мѣрѣ за единичными исключеніями, не имѣли для общественной жизни ровно никакого значенія.

Никто не зналъ и не интересовался знать, какъ, гдѣ и при какихъ условіяхъ писались эти приговоры, а потому въ понятіяхъ массы народа, представленія объ уголовномъ возмездіи, были крайне шатки, слабы и поверхностны.

Простой людъ зачастую не зналъ, что тѣ или другія дѣянія запрещены закономъ, и подчасъ безобидной душой совершалъ то, за что ему приходилось потомъ расплачиваться тюрьмой и даже болѣе строгими наказаніями.

Гласный судъ присяжныхъ внесъ въ нашу народную жизнь, весьма важный образовательный элементъ; публичность судебныхъ засѣданій, торжественность провозглашенія приговоровъ присяжныхъ, открыли въ народѣ новыя здравыя понятія о законѣ и судѣ.

Лица, блуждавшія прежде въ потемкахъ, незнавшія куда и какъ обра-

титься съ своей обидой, уразумѣли теперь тотъ путь, которымъ каждый можетъ найдти себѣ скорую и законную защиту. Люди, невидавшіе прежде въ глаза ни одного судьи, и съ самымъ понятіемъ о судѣ, представлявшіе себѣ такой аттрибутъ власти, котораго надо всячески ублаготворять, и у котораго тотъ только будетъ правъ и чистъ, кто богатъ и силенъ, въ настоящее время получили возможность во очію узнать въ совершенствѣ современный судъ, убѣдиться, что при томъ способѣ выбора судей, который нынѣ существуетъ, ни связи, ни богатство, ни сила, ни что въ новыхъ судахъ, кромѣ правды и справедливости, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, и что полное равенство передъ закономъ всѣхъ гражданъ, является однимъ изъ существеннѣйшихъ условій его бытія.

Въ настоящее время, приговоры по наиболѣе выдающимся уголовнымъ судебнымъ процессамъ, получаютъ общеизвѣстное, такъ сказать, нарицательное значеніе.

Приговоры по дѣламъ Овсянникова, Гартунга, Гулакъ-Артемовской и многихъ другихъ имъ подобныхъ, сдѣлались достояніемъ даже самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстностей.

Народъ запоминаетъ твердо такіе приговоры, съ которыми у него соединяется понятіе, о дѣйствительномъ для всѣхъ равенствѣ передъ закономъ.

Присяжнымъ засѣдателямъ, какъ выборнымъ гражданамъ, принадлежитъ въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ послѣдній рѣшающій участь подсудимаго голосъ, а наши присяжные за небольшимъ исключеніемъ столицъ и болѣе крупныхъ городовъ, почти вездѣ состоятъ по преимуществу изъ крестьянъ.

И вотъ ежегодно эта масса отбывающихъ свою сессію судей, правда людей необразованныхъ юридически, но одаренныхъ здравымъ смысломъ, почтенныхъ выборомъ въ судейскія должности, расходясь изъ судовъ по своимъ захолустнымъ селамъ и деревнямъ, разноситъ въ народъ провѣренные собственнымъ своимъ участіемъ въ дѣлѣ, выводы свои и впечатлѣнія изъ суда.

Эти разсказы присяжныхъ крестьянъ, вносятъ въ необразованную неразвитую среду односельцевъ ихъ, цѣлую массу знаній, знакомятъ съ тѣми порядками и пріемами суда, которые для многихъ изъ ихъ среды оставались темными, непонятными и неизвѣстными.

Изъ одного отдаленнаго села намъ пишутъ, что мѣстное крестьянское населеніе, своихъ присяжныхъ, которые бывали въ судѣ, называетъ не иначе, какъ «стариками», тогда какъ въ присяжные попадаютъ нерѣдко люди очень еще молодые, а нарицательное названіе «старика», дается, какъ извѣстно, у нашихъ крестьянъ, только такимъ односельцамъ ихъ, которые почему-либо въ глазахъ общества, заслуживаютъ особаго почета, преимущественнаго уваженія.

И вотъ элементы этого внѣшняго отличія и почтенія, крестьяне вносятъ въ понятіе о личности человѣка, хотя еще и молодаго, но который исполнялъ уже обязанности присяжнаго засѣдателя «по Божескому и царскому закону народъ судилъ».

Положимъ нѣтъ ничего особенно выдающагося въ этомъ отличіи кресть-

янами своихъ односельцевъ судей, но важно то, что этимъ выражается высокое понятіе крестьянъ объ обязанностяхъ присяжныхъ, ихъ взглядъ на достоинство суда и собственныхъ своихъ въ немъ представителей.

Укажемъ кстати для характеристики, на одинъ происшедшій въ деревнѣ случай, гдѣ званіе присяжнаго засѣдателя, помогло молодому крестьянину довести благополучно до конца, дѣло своего сердечнаго романа.

Этотъ молодой крестьянинъ лѣтъ 27 небольше, сватался за дочь богатаго своего односельца.

Дѣвушка—невѣста была непрочь выйдти за него замужъ, но отецъ несоглашался на этотъ бракъ, кичась своимъ «богачествомъ» и относительною бѣдностью состоянія претендента на руку его дочери, а потому и отказалъ ему.

Въ первую же послѣ того очередную сессію окружнаго суда, въ уѣздномъ городѣ, отверженный искатель получилъ повѣстку, о назначеніи его въ присяжные засѣдатели и долженъ былъ на недѣлю уѣхать въ судъ.

Какъ человѣкъ грамотный и толковый, онъ почти каждый разъ былъ выбираемъ въ старшины присяжныхъ, и по своей природной смѣтливости, настолько былъ удовлетворителенъ въ этомъ званіи, что ни разу не написалъ неправильныхъ или непонятныхъ для суда отвѣтовъ.

На послѣднемъ дѣлѣ, по окончаніи сессіи, предсѣдательствующій отъ лица суда поблагодарилъ этого старшину, а въ лицѣ его и всѣхъ присяжныхъ за то вниманіе, съ которымъ всѣ они относились къ дѣлу.

Слухъ объ этой благодарности, быстро распространился чрезъ находившихся въ залѣ суда крестьянъ, по всему уѣзду, и проникъ въ село, откуда былъ этотъ крестьянинъ, прежде нежели онъ возвратился домой. Тамъ заговорили, что «Пётра Ивановъ на самомъ судѣ старшинствомъ заправлялъ и самъ изъ судьевъ генералъ ему напослѣдяхъ одобреніе далъ».

Пётра, не сознававшій за собою никакихъ особыхъ доблестей и заслугъ, возвращаясь мирно въ свое село, былъ крайне удивленъ, когда на околицѣ его задержалъ поповскій работникъ и потребовалъ, чтобъ онъ немедленно «объявился до батюшки».

Еще больше того былъ удивленъ «Пётра», когда батюшка встрѣтилъ его не обычнымъ «Петрушкой», а Петромъ Ивановичемъ, и почествовалъ его угощеніемъ за то, что онъ «отъ вышняго начальства одобреніе получилъ».

Въ нѣсколько минутъ, извѣстіе о пріѣздѣ «Пётры» облетѣло все село, множество народа набѣжало къ дому священника, поглядѣть на новаго «старика» и поздравить его, что онъ въ «такимъ дѣлѣ старшиномъ былъ» и народу много по правдѣ судилъ.

Въ числѣ другихъ на поздравленіе пришла и бывшая Петрова зазноба.

Въ первый разъ къ чувству любви, которое она къ нему питала, примѣшалось у ней и чувство почтенія къ личности бывшаго своего жениха, котораго теперь всѣ «чествовали».

— Поздравляемъ и мы васъ Пётра Ивановичъ, робко и несмѣло на этотъ разъ проговорила она, обращаясь къ своему бывшему обожателю.

— Благодаримъ покорно, Алена Васильевна, проговорилъ ей Пётра дрожащимъ голосомъ, и заглохшее было въ немъ на время чувство, снова закопошилось у него на сердцѣ и въ его «стариковой» душѣ.

Старикъ батюшка зналъ симпатіи молодыхъ людей, зналъ, что мѣшало ихъ сближенію, и отъ него не ускользнула эта случайная встрѣча ихъ въ его домѣ, и обоюдное волненіе.

Черезъ недѣлю пошелъ уже по селу разговоръ, что Пётра Ивановичъ опять ладитъ на Васильевой Аленѣ пожениться, и что «знать ужъ таперь отказа ему не будетъ, потому самъ старикомъ сталъ, промежъ нашинскихъ судьевъ первый онъ человѣкъ сдѣлался».

Старикъ Василій не могъ конечно неподчиниться общему обаянію своихъ односельцевъ. Почетъ, который совершенно случайно выпалъ на долю Петра заполонилъ и его, въ пользу молодаго старика. Онъ непрочь былъ уже отдать теперь за него свою дочь, но побоялся, какъ бы уже Пётра самъ ему за «тое» теперь не отказалъ.

Послѣ нѣсколькихъ колебаній, онъ отправился къ нему самъ, упросивъ ѣхать съ собою сватомъ своимъ, самого батюшку.

Батюшка не отказалъ, Пётра Иванычъ за порогомъ по почетному обычаю, встрѣтилъ старика Василія со священникомъ, и черезъ нѣсколько дней въ приходскомъ храмѣ съ нѣкоторою торжественностію, была совершена свадьба молодаго старика Петра Иванова съ его суженою Аленою Васильевой.

Авторитетъ Петра Иванова, именно какъ разумнаго «изъ судьевъ» присяжнаго засѣдателя, получившаго за свое «судовство» одобреніе, въ теченіи года настолько упрочился, во всей волости, что на другой годъ послѣ того, онъ былъ единогласно избранъ въ мѣстные волостные старшины.

И такіе примѣры, что крестьянскія общества оказывали извѣстный нравственный почетъ и вниманіе своимъ односельцамъ, исполнявшимъ обязанности присяжныхъ, отмѣчали ихъ своимъ особымъ довѣріемъ—далеко не рѣдки.

Въ такихъ случаяхъ крестьяне смотрятъ на своихъ присяжныхъ, глазами закона, они видятъ въ нихъ дѣйствительно лучшихъ представителей своей общины, и въ этомъ отношеніи далеко опередили собою всѣ другія сословія.

Во многихъ волостяхъ, по наблюденіямъ нѣкоторыхъ изъ членовъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, обнаруживается давно уже замѣчаемое стремленіе крестьянъ, избирать въ свои волостные судьи, именно тѣхъ, которые были уже присяжными засѣдателями.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, познанія и наблюденія, выносимыя присяжными засѣдателями изъ судебныхъ засѣданій, по возвращеніи ихъ домой, нерѣдко эксплоатируются даже на общую пользу, путемъ разнаго рода собесѣдованій.

Намъ извѣстенъ одинъ сельскій священникъ, который, если въ его приходѣ оказываются присяжные засѣдатели, возвратившіеся съ сессіи, то въ первое же воскресенье послѣ литургіи, онъ задерживаетъ ихъ у церкви или

у себя дома, и тутъ при толпѣ слушателей, ведетъ съ ними бесѣды о томъ, какъ они судили, какія были дѣла, какъ „эти самые воры“ оправдывались, что „начальство“ говорило и какъ присяжные обсудили.

И дѣйствительно, за послѣднее время, наша деревня въ развитіи своемъ по части познаній о порядкѣ и значеніи уголовнаго судопроизводства, значительно шагнула уже впередъ.

Теперь нерѣдко можно услышать въ деревнѣ такія рѣчи: «я тебя за свою обиду на окружный судъ подамъ, присяжные разберутъ твою душу, то ты говорилъ „не поймалъ, не говори, что воръ“, потому никто не видалъ, какъ ты кралъ, а теперь, братъ, мнѣ твоихъ свидителевъ не нужно, присяжные и безъ свидителевъ разберутъ, ты свое, а я свое, поглядимъ кому повѣрятъ, осудятъ насъ, небось, по Божецкой душѣ“.

Вотъ эта-то увѣренность простаго люда въ томъ, что въ приговорахъ присяжныхъ, главную роль играютъ душа и совѣсть, а не „свидители“ и составляетъ одну изъ наиболѣе отрадныхъ сторонъ, образовательнаго значенія суда и приговоровъ присяжныхъ.

Важно то, что простой народъ нашъ, безъ всякой предварительной подготовки, а единственно только изъ ознакомленія съ ходомъ процесса суда присяжныхъ, успѣлъ безошибочно себѣ усвоить тотъ главный режимъ совѣстливаго отношенія къ дѣлу, который лежитъ въ основѣ суда присяжныхъ.

Слѣдя за количествомъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей, которые подсудимыми обжаловываются въ правительствующій сенатъ, нельзя не сдѣлать того вывода, что процентъ жалующихся подсудимыхъ, относительно всего числа осуждаемыхъ очень не великъ.

Это подтверждается тѣми выводами, нѣкоторыхъ изъ судебныхъ дѣятелей, что вообще вся масса подсудимыхъ, за небольшими исключеніями, если и признаетъ приговоры присяжныхъ иногда для себя обидными, но справедливости въ нихъ все таки не отвергаетъ, другими словами, смотритъ на нихъ съ точки зрѣнія самого закона.

Если же затѣмъ приговоры присяжныхъ, и возбуждаютъ жалобы, въ которыхъ выражается убѣжденіе обвиненныхъ о личномъ къ нимъ неправосудіи и несправедливости присяжныхъ, то такія жалобы бываютъ вообще крайне рѣдки.

Одинъ изъ членовъ окружнаго суда, сообщилъ намъ, что по его вычисленіямъ, на 100 подсудимыхъ жалующихся на приговоры присяжныхъ, приходится 40% рецидивистовъ и 60% лицъ, совершившихъ преступленія въ первый разъ.

Цифры эти, если только онѣ вѣрны, и имъ можетъ быть придано распространительное значеніе, даютъ возможность сдѣлать слѣдующій не безъинтересный выводъ.

Рецидивисты въ общей массѣ всѣхъ подсудимыхъ, составляютъ приблизительно около 25%, и слѣдовательно, если изъ ста человѣкъ, жалующихся подсудимыхъ вообще, 40% жалобщиковъ, является изъ числа этихъ рециди-

вистовъ т. е. изъ среды лицъ, совершившихъ преступленія уже не въ первый разъ, то количество жалобщиковъ изъ лицъ, впавшихъ въ преступленія въ первый разъ, будетъ относительно очень не велико.

Отсюда видно, что наибольшій контингентъ жалующихся и оказывающихся недовольными приговорами присяжныхъ, составляютъ лица менѣе нравственныя, какъ дважды и трижды уже судимыя, т. е. такія, собственныя убѣжденія которыхъ, о приговорахъ объ нихъ присяжныхъ, не могутъ имѣть никакого значенія, а затѣмъ несравненно меньшій процентъ недовольныхъ приговорами присяжныхъ, падаетъ на долю тѣхъ лицъ, которыя совершили преступленіе лишь въ первый разъ, и въ первый разъ явились на судѣ присяжныхъ.

Этотъ второй контингентъ подсудимыхъ, конечно, представляетъ собою вообще среду, въ нравственномъ отношеніи, стоящую выше первой, чѣмъ и объясняется, что первоосужденные въ наиболѣе рѣдкихъ случаяхъ, нежели рецидивисты, рѣшаются протестовать противу голоса совѣсти осудившихъ ихъ присяжныхъ.

Затѣмъ мы можемъ указать еще на то, что въ массѣ народа, авторитетность приговоровъ присяжныхъ, успѣла уже сложиться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ видѣ поговорки, «какъ присяжные насъ разсудятъ, такъ и будетъ», чѣмъ и доказывается безграничная и полная вѣра народа, въ голосъ совѣсти своихъ выборныхъ представителей.

Даже въ средѣ арестантовъ, этихъ по преимуществу наиболѣе уже преступныхъ людей, приговоры присяжныхъ во многихъ наблюдаемыхъ случаяхъ, пользуются крайнею популярностью, и смысломъ своей внутренней правды, вліяютъ даже на наиболѣе грубыя натуры.

Въ судебной практикѣ нашей очень нерѣдки случаи, когда крайне буйные и наглые представители арестантской и острожной братіи, обвинявшіеся въ весьма тяжкихъ преступленіяхъ, позволявшіе себѣ во время всего судебнаго слѣдствія, разнаго рода циническія пошлости и выражавшіе поведеніемъ своимъ явное неуваженіе къ суду, моментально преобразовывались по провозглашеніи имъ обвинительныхъ приговоровъ присяжныхъ.

Выслушавъ спокойно такіе приговоры, они какъ-бы смирялись въ своемъ положеніи, и впадали въ какое-то созерцательное состояніе.

Обвинительные вердикты въ тѣ минуты, когда была уже рѣшена участь и отвѣтственность ихъ за содѣянное прошлое, являлись для нихъ нравственнымъ успокоеніемъ, пробуждавшейся ихъ совѣсти.

Такіе приговоры представляютъ для нихъ и своего рода конецъ, всякимъ тревожнымъ и томительнымъ ожиданіямъ, они безропотно, безапелляціонно подчиняются имъ, признавая, что ихъ все-таки судила людская совѣсть, а ощущенія совѣсти въ преступной средѣ, и вліяніе ея на душу преступника бываютъ иногда очень велики и многознаменательны.

Въ одномъ изъ окружныхъ судовъ, бѣглый ссыльный преданъ былъ суду присяжныхъ за побѣгъ съ каторжной работы и за кражу со взломомъ.

Виновность подсудимаго въ побѣгѣ съ каторги, присяжные засѣдатели не

признали и отвергли, хотя фактически она представлялась, конечно, совершенно ясною, и тѣмъ избавили его отъ жестокаго наказанія плетьми, которому онъ долженъ былъ бы подвергнуться, въ случаѣ признанія его въ томъ виновнымъ, но въ кражѣ они его обвинили, признавъ всѣ увеличивавшія его вину, изложенныя въ вопросѣ суда обстоятельства.

Къ немалому удивленію публики и всего состава суда, по провозглашеніи этого приговора присяжныхъ, за которымъ по рѣшенію суда, въ силу прежняго приговора, должна была уже послѣдовать ссылка подсудимаго въ рудники, на 20 лѣтъ, послѣдній, выслушавъ этотъ приговоръ, низко и молча поклонился присяжнымъ.

Въ эту минуту загрубѣвшее уже сердце преступника, заглохнувшая было уже въ немъ совсѣмъ совѣсть его, не могли не дрогнуть своимъ человѣческимъ достоинствомъ, при нравственномъ сознаніи той великой милости, которую присяжные сдѣлали ему, тяжкому преступнику, обвинивъ его строго въ преступленіи кражи, но вмѣстѣ съ тѣмъ отвергнувъ его виновность въ побѣгѣ съ каторжной работы, и освободивъ его тѣмъ отъ позорныхъ и тяжелыхъ плетей.

И бѣглый каторжникъ понялъ этотъ чуткій мотивъ человѣческой совѣсти присяжныхъ къ несчастію его, хотя и тяжкаго преступника, но все же человѣка...

Когда этому подсудимому, объявленъ былъ чрезъ двѣ недѣли приговоръ суда въ окончательной формѣ, то присутствовавшій при этомъ членъ суда, объяснилъ ему порядокъ и способъ обжалованія приговора.

— Намъ жаловаться нечего, жаловаться мы не будемъ насъ осудили по Божески, благодаримъ господъ присяжныхъ, что помиловали... вотъ какими словами отвѣтилъ каторжный преступникъ на разъясненное ему право жалобы.

Нельзя сказать, чтобы такой отзывъ о судѣ присяжныхъ, гдѣ правда и милость составляютъ первенствующія его условія, сдѣланный притомъ человѣкомъ, въ которомъ законъ не признаетъ даже человѣческой личности, не имѣлъ бы нѣкотораго нравственнаго смысла и значенія.

Высока должна быть та правда и справедливость, слишкомъ ощутительно должна она выражаться въ приговорахъ совѣсти нашихъ присяжныхъ засѣдателей, когда ея милостивые результаты, ощущаютъ на себѣ даже такіе типичные представители погибшаго и нравственно-извращеннаго человѣчества, какъ бѣглые каторжники....

III.

О порядкѣ исполненія присяжными засѣдателями ихъ судейской присяги.

Участіе на судѣ по дѣламъ уголовнымъ присяжныхъ засѣдателей, какъ представителей общественной совѣсти, обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы этотъ судъ совѣсти произносилъ свои приговоры по сущей

правдѣ и справедливости и по тщательномъ изученіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла.

Въ осуществленіи этой высокой нравственной обязанности представителей общественной совѣсти и заключается главная задача суда присяжныхъ, а чтобы выполненіе ея, сопровождалось увѣренностью со стороны общества, что приговоры, постановляемые присяжными, будутъ дѣйствительно результатомъ ихъ внутренней правды, голоса совѣсти и строго справедливаго отношенія къ личности подсудимаго, законъ обязываетъ присяжныхъ засѣдателей, какъ судей, постановлять свои приговоры подъ клятвою, произносимой ими передъ лицемъ Всемогущаго Бога присяги.

Эта присяга придаетъ рѣшеніямъ присяжныхъ авторитетное значеніе; она же гарантируетъ каждому подсудимому, справедливое отношеніе къ его личности со стороны суда общественной совѣсти и служитъ оплотомъ противъ неправильныхъ посягательствъ на его честь, доброе имя и достоинство гражданина.

Послѣ этого нельзя не сказать, что обрядъ исполненія присяжными засѣдателями судейской присяги ихъ, заключаетъ въ себѣ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ положенія ихъ на судѣ, какъ судей.

Присяга присяжныхъ засѣдателей, представляетъ собою на судѣ ту гарантирующую правосудіе, формулу вѣчной, неподкупной и неизмѣнной правды, во имя которой должны они творить свой судъ, справедливый и милостивый.

Текстъ присяги присяжныхъ засѣдателей крайне простъ и немногосложенъ, но онъ глубокъ и многозначителенъ по своему внутреннему содержанію.

Этою присягою, или клятвою, Всемогущимъ Богомъ, передъ Святымъ Его Евангеліемъ и Крестомъ Господнимъ, присяжные, какъ судьи, обязываются приложить всю силу своего разумѣнія, къ тщательному расмотрѣнію обстоятельствъ какъ уличающихъ, такъ и оправдывающихъ подсудимаго, и въ рѣшительную минуту постановленія приговора, побуждаются подать свой голосъ безъ всякихъ колебаній, по сущей правдѣ и убѣжденію своей совѣсти, согласно съ тѣмъ, что они увидятъ и услышатъ на судѣ.

Признавая такимъ образомъ за присягою на судѣ присяжныхъ засѣдателей столь важное значеніе, не лишнее будетъ бросить взглядъ на то, какъ она обставлена въ нашихъ окружныхъ судахъ, въ какомъ порядкѣ и при какой обстановкѣ она исполняется, соблюдаются-ли при этомъ всѣ установленныя закономъ правила и наконецъ, какой взглядъ установился у насъ въ обществѣ, на значеніе присяги, какъ религіознаго обряда?

Прежде всего слѣдуетъ указать на то, что, по смыслу закона, священнослужитель, приводящій присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ, обязанъ предварительно разъяснить имъ ея святость и значеніе.

Въ первое время по открытіи судебныхъ установленій, когда каждому дѣйствію, каждой судебной формѣ и процессуальной обрядности, придавалось извѣстное значеніе, чуждое понятія объ одной только формальности, судъ относился съ полнымъ вниманіемъ и къ этому требованію закона. Священно-

служители дѣлали присяжнымъ постоянныя увѣщанія и нисколько отъ этого не уклонялись, напротивъ, въ предварительномъ назиданіи присяжныхъ, видѣли прямой пастырскій долгъ свой. Новизна суда и торжественная его обстановка, на первыхъ порахъ производили должное впечатлѣніе и на священнослужителей. Сознаніе того значенія, которое въ уголовномъ процессѣ имѣютъ присяжные засѣдатели, побуждало священниковъ искреннимъ и живымъ словомъ духовнаго вразумленія, возбуждать въ присяжныхъ ихъ нравственный долгъ, указывая на тотъ идеалъ правоты и справедливости, во имя котораго дается имъ право судить своего ближняго.

И такія увѣщанія, сказанныя съ чувствомъ, имѣли всегда большое значеніе. Затѣмъ съ теченіемъ времени они постепенно стали утрачивать свой прежній характеръ, говорились все рѣже и рѣже; судъ пересталъ напоминать, священники перестали ихъ дѣлать по собственному почину, и въ настоящее время, за рѣдкими исключеніями, увѣщаній почти не бываетъ, а вся религіозная обрядность присяги, ограничивается прочтеніемъ одного лишь присяжнаго листа.

Привычка, время, а частью и общее уже охлажденіе всѣхъ элементовъ суда, къ дѣлу отправленія правосудія, выражающееся въ поверхностномъ отношеніи ко многимъ предписываемымъ закономъ, формамъ и обрядамъ судопроизводства, сдѣлали то, что многіе священнослужители даже и присяжный листъ стали читать на-скоро, кое-какъ.

Въ прежнее время священнослужители, приводившіе присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ, произнося слова ея рѣдкимъ и отчетливымъ темпомъ, наблюдали, чтобы всѣ присягающіе повторяли за ними слова присяги, а нынѣ методъ въ исполненіи этой обрядности упрощенъ до-нельзя; священникъ наскоро читаетъ текстъ, присяжные, стоя кругомъ, слушаютъ его молча, а затѣмъ цѣлуютъ Крестъ и Евангеліе, иногда произнося громко слово «клянусь», какъ того требуетъ законъ, а иногда обходясь и безъ этого.

Конечно, это не общее правило, и въ настоящее время, встрѣчаются иногда въ нашихъ судахъ священники, которые не устраняютъ своего долга, дѣлать присяжнымъ увѣщанія, но такія исключенія бываютъ рѣдки и по большей части вызываются или сложностью дѣла, или тѣмъ особливымъ вниманіемъ, которымъ общество даритъ только нѣкоторыя дѣла. Въ обоихъ случаяхъ и судъ какъ-то особенно бываетъ настроенъ на высокій ходъ, и обычная небрежность, смѣняется строгимъ, неукоснительнымъ исполненіемъ обязанностей; судъ не манкируетъ всѣми тѣми процессуальными обрядностями, которыя въ обыденномъ порядкѣ пропускаетъ кое-какъ, а напротивъ, выполняетъ ихъ со всею пунктуальностію.

Какими же причинами, кромѣ общей апатіи къ дѣлу суда, можно объяснить то равнодушіе, съ которымъ священнослужители относятся къ исполненію своей обязанности, по приводу къ присягѣ присяжныхъ засѣдателей?

Намъ случалось неоднократно говорить объ этомъ, со многими священнослужителями и въ разговорахъ съ ними касаться вопроса о значеніи для при-

сяжныхъ пастырскаго увѣщанія и о тѣхъ причинахъ, которыя создали такое равнодушное формальное отношеніе къ дѣлу присяги со стороны священнослужителей.

Въ отвѣтъ на это намъ говорили, что внѣшняя обрядность присяги, утрачиваетъ у насъ мало-по-малу свое значеніе потому, что ее приходится выполнять слишкомъ часто, что вслѣдствіе этого на присягу и сами присяжные начинаютъ смотрѣть, какъ на одну только формальность, что отъ священниковъ присутствующихъ въ судахъ, невозможно требовать, чтобы они по каждому дѣлу обращались къ присяжнымъ съ увѣщаніемъ, такъ какъ иногда, особенно въ столицахъ, священнику приходится приводить къ присягѣ до 8 перемѣнъ присяжныхъ, а слово увѣщанія необходимо сказать обдуманно, осторожно и по меньшей мѣрѣ не повторять въ немъ всегда одного и тогоже по заученной фразѣ, потому что тогда и самое увѣщаніе приметъ характеръ какой-то формулы и утратитъ всякое свое живое значеніе.

— Я вотъ по благословенію отца благочиннаго, объяснялъ намъ одинъ изъ священниковъ, постоянно присутствую въ судѣ, иногда три, а то и четыре дня въ недѣлю, кой день уйду въ три часа, кой день вечеромъ, а то и ночью, когда придется привести къ присягѣ комплектъ послѣднихъ присяжныхъ, и за всю эту работу и безотлучное пребываніе въ судѣ, получаю я всего 12 рублей въ мѣсяцъ. Вотъ вы и извольте оцѣнить мой трудъ, а мнѣ еще говорятъ увѣщанія приготовлять, живымъ пастырскимъ словомъ напутствовать присяжныхъ, отчего же и нѣтъ, вознаградите насъ какъ слѣдуетъ и тогда мы поведемъ свое дѣло такъ, что вы въ насъ упрекомъ не бросите.

Такимъ образомъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, вопросъ объ увѣщаніяхъ присяжныхъ, сводится священнослужителями на почву требоисправленія недостаточно оплачиваемаго, и съ этой стороны можно, конечно, только пожалѣть о томъ, что исполненіе одной изъ важнѣйшихъ на судѣ обрядностей, стоитъ въ такой тѣсной зависимости, отъ недостаточной оплаты ея извѣстнымъ количествомъ рублей.

Въ другихъ случаяхъ намъ доводилось слышать, что увѣщанія присяжныхъ, сами священнослужители признаютъ дѣломъ совершенно излишнимъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда составъ присяжныхъ (какъ въ столицахъ и большихъ городахъ) состоитъ преимущественно изъ лицъ образованныхъ и интеллигентныхъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, объяснялъ намъ одинъ изъ священниковъ, нужно-ли такимъ присяжнымъ объяснять святость присяги, вѣдь они и сами это очень хорошо понимаютъ, какой-же смыслъ могутъ тутъ имѣть мои вразумленія.

Этотъ послѣдній доводъ дѣйствительно имѣетъ нѣкоторую долю основанія, особенно при тѣхъ современныхъ взглядахъ на религію, которые въ наше время мало-по-малу проникаютъ и водворяются въ обществѣ.

Но вѣдь ничего подобнаго нельзя сказать относительно нашихъ уѣздныхъ и провинціальныхъ центровъ, гдѣ почти вся масса присяжныхъ засѣдателей состоитъ изъ простолюдиновъ, для которыхъ пастырское слово священника

служитъ всегда не малымъ нравственнымъ подспорьемъ въ сужденіяхъ ихъ по дѣлу и руководителемъ ихъ совѣсти. Отчего же и въ этихъ случаяхъ, когда священническія увѣщанія, дѣйствительно имѣютъ громадное значеніе и могутъ приносить пользу дѣлу, они точно также мало-по-малу приходятъ, такъ-сказать, въ упадокъ, а во многимъ судахъ и вовсе потеряли свое самобытное значеніе?

Дѣло въ томъ, что обязывая священнослужителя, говорить присяжнымъ засѣдателямъ увѣщанія, законъ отнюдь не дозволяетъ ему касаться существа, подлежащаго разрѣшенію присяжныхъ дѣла, и вообще какою-либо стороною религіознаго своего внушенія, затрогивать личность обвиняемаго и предметъ преступленія.

Все о чемъ можетъ говорить священникъ въ своемъ увѣщаніи, должно имѣть характеръ исключительно общій, примѣнительный къ обязанностямъ присяжныхъ вообще, но безъ всякаго хотя-бы и отдаленнаго намёка и соотношенія къ предлежащему дѣлу.

Къ сожалѣнію, весьма многіе изъ священнослужителей, не въ состояніи бываютъ ни усвоить себѣ дѣйствительную роль въ этихъ увѣщаніяхъ, ни уловить ту отвлеченную грань или предѣлъ, въ обращеніяхъ своихъ къ присяжнымъ, со словомъ внушенія и назиданія, далѣе которыхъ они не должны идти.

Такимъ образомъ, въ нашей судебной практикѣ бывало не мало случаевъ, когда священнослужители въ увѣщаніяхъ, обращенныхъ къ присяжнымъ засѣдателямъ, переходили отъ своихъ общихъ словъ къ существу дѣла, цѣлымъ рядомъ изрѣченій изъ св. писанія, возбуждали въ присяжныхъ сочувствіе къ личности подсудимаго, указывали имъ на обязанности христіанскаго милосердія, проводили мысли о всепрощеніи, и т. д., и такимъ образомъ явно переходили за предѣлы того, къ чему ихъ обязывалъ законъ.

Въ подобныхъ случаяхъ предсѣдательствующіе обыкновенно останавливаютъ священно-служителей въ дальнѣйшемъ изложеніи ихъ увѣщаній, указываютъ имъ на рамки ихъ пастырскихъ внушеній и приглашаютъ придерживаться этихъ указываемыхъ имъ предѣловъ.

Нѣкоторые изъ священнослужителей подчиняются такимъ распоряженіямъ предсѣдательствующихъ, другіе же считаютъ ихъ за личныя, для себя оскорбленія, и изъ такихъ взаимныхъ недоразумѣній происходятъ иногда крайне неловкія пререканія, въ которыхъ виноватою стороною остаются всегда священнослужители.

По внутреннему смыслу и значенію священнослужительскихъ увѣщаній, они являются, конечно, всего болѣе умѣстными въ тѣхъ случаяхъ, когда контингенты присяжныхъ, состоятъ преимущественно изъ простолюдиновъ и вообще изъ лицъ стоящихъ на болѣе низкой степени развитія.

А такіе составы присяжныхъ, существуютъ почти исключительно въ провинціальныхъ уѣздныхъ центрахъ, т. е. въ такихъ мѣстахъ, гдѣ образовательный цензъ священнослужителей, стоитъ во всякомъ случаѣ ниже, чѣмъ у представителей священства въ столицахъ и крупныхъ городахъ.

Такимъ образомъ, не рѣдко приходится наблюдать то обратное явленіе, что въ болѣе крупныхъ судебныхъ центрахъ, гдѣ общій составъ присяжныхъ представляетъ собою преимущественно элементъ интеллигентный—находятся и наиболѣе развитые священнослужители, а въ мелкихъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ потребность въ увѣщаніяхъ менѣе развитой среды присяжныхъ, представляется болѣе существенною, тамъ является полный недостатокъ въ такихъ священнослужителяхъ, которые съ бо́льшимъ умѣніемъ, и знаніемъ дѣла, и совершенно яснымъ пониманіемъ задачи увѣщаній, могли бы выполнять ихъ не дѣлая суду никакой помѣхи.

А что многіе изъ провинціальныхъ священнослужителей, рѣшительно не могутъ усвоить себѣ тѣ пріемы, которые совмѣщали бы въ себѣ разумное слово увѣщанія, не рѣдко не понимая даже въ чемъ должна заключаться истинная цѣль его, тому мы приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ практики нашихъ судовъ.

На одной изъ уѣздныхъ сессій, священникъ передъ приводомъ присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ, обращаясь къ нимъ съ увѣщаніемъ, началъ свою рѣчь словами: „не судите, да не судимы будете, поучалъ нашъ Господь Іисусъ Христосъ“, и конечно на этихъ первыхъ же словахъ своей рѣчи, былъ остановленъ предсѣдательствующимъ къ крайнему своему недоумѣнію.

Въ другомъ случаѣ священникъ началъ свое увѣщаніе тѣмъ, что евангельскія заповѣди требуютъ отъ христіанина милосердія, прощенія врагамъ забвенія обиды и т. д.

— Вотъ и вы теперь, продолжалъ священникъ, призванные судить Ивана Петрова именемъ Господа Бога, помните, что Господь простилъ....

И на этотъ разъ предсѣдательствующій опять-таки вынужденъ былъ остановить батюшку, попросилъ его оставить Ивана Петрова въ сторонѣ и по возможности не касаться ни его, ни предмета обвиненія.

Уклоненія священнослужителей въ своихъ увѣщаніяхъ, отъ ихъ дѣйствительнаго смысла и значенія, проявлялись иногда и въ болѣе рѣзкой формѣ.

Такъ въ одномъ уѣздномъ городѣ, соборный протоіерей началъ свое увѣщаніе, обращенное къ присяжнымъ изъ простолюдиновъ, изложеніемъ взглядовъ церковнаго законодательства на преступленіе, затѣмъ перешелъ къ опредѣленію того, откуда въ существѣ человѣка получаетъ свое начало злая воля его, направленная противъ ближняго, и наконецъ, кстати или не кстати, упомянулъ въ заключеніе о томъ, что всякій преступный умыселъ въ душѣ человѣческой, есть порожденіе самого дьявола.

Какъ не интересны были такія обобщенія отца протоіерея, о причинахъ преступныхъ зарожденій въ человѣческой душѣ, но предсѣдательствующій остановилъ его, и попросилъ перейдти прямо къ тексту присяги.

Не удивительно послѣ этого, что священники въ большинствѣ случаевъ воздерживаются отъ всякихъ увѣщаній; что же касается до предсѣдателей, то, не будучи по закону обязаны требовать непремѣннаго исполненія этой

обрядности, они обыкновенно не считаютъ нужнымъ напоминать о ней, и въ результатѣ увѣщанія оказываются совсѣмъ устраненными.

Исключеніе подтверждаетъ правило, и мы не опасаясь впасть въ противорѣчіе, указываемъ еще на слѣдующую картинку.

Въ одной изъ южныхъ губерній, въ засѣданіе суда для привода присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ, назначенъ былъ деревенскій священникъ, которому судъ предложилъ сдѣлать увѣщаніе присяжнымъ, состоявшимъ исключительно изъ крестьянъ:

— Это имъ-то, имъ, присяжнымъ, обратился священникъ къ суду.

— Да, имъ, батюшка, отвѣтилъ предсѣдательствующій, указывая на присяжныхъ.

Послѣдовала небольшая пауза.

Священникъ видимо соображалъ, какъ и съ чего начать ему непривычное для него дѣло.

— Совѣсть имѣете? коротко и рѣзко обратился онъ вдругъ къ присяжнымъ, которые замялись при этомъ на мѣстѣ и словно усомнились въ существованіи у нихъ совѣсти.

— Имѣемъ, отецъ, догадался наконецъ отвѣтить кто-то изъ нихъ.

— И души свои отъ лукаваго сохраняете? послѣдовалъ другой вопросъ священника.

— Сохраняемъ.... какъ можно.... отвѣтилъ тотъ же голосъ.

— Ну, тогда именемъ Бога и разсудите по правдѣ, правду бо Господь Богъ любитъ и начальство.... по правдѣ осудите,— будете истинные судьи, и ваше мѣсто на выси судейской (при этомъ священникъ показалъ рукою на мѣста для присяжныхъ), а по кривдѣ свою совѣсть поведете, — пѣтъ вамъ почета отъ людей, благословенія отъ Господа, и мѣсто душамъ вашимъ тамо, (и онъ показалъ на скамью подсудимыхъ).

Этимъ короткимъ вразумленіемъ, священникъ окончилъ свое увѣщаніе и приступилъ къ присягѣ.

Изъ всѣхъ приведенныхъ нами выше случаевъ увѣщаній, это послѣднее характерное, конечно, по своей формѣ и изложенію, было съ тѣмъ вмѣстѣ лучшимъ по его внутреннему содержанію и полному соотвѣтствію съ истинной цѣлью увѣщанія.

Перейдемъ теперь къ порядку самого исполненія обряда присяги.

Выше мы привели мнѣніе многихъ, даже очень многихъ священниковъ о ненужности и вредѣ слишкомъ частаго повторенія присяги на судѣ, къ которой приводятъ теперь присяжныхъ засѣдателей по каждому дѣлу особо. Это мнѣніе раздѣляетъ, какъ намъ кажется, и большинство судебныхъ дѣятелей.

Взамѣнъ существующаго порядка, многія лица судебнаго вѣдомства и даже духовныя лица, нерѣдко указываютъ на слѣдующій, какъ на весьма желательный: при открытіи сессіи окружнаго суда, весь составъ очередныхъ и запасныхъ присяжныхъ засѣдателей, присягаетъ одинъ разъ на всю сессію. Отъ этого, по мнѣнію упомянутыхъ лицъ, присяга много выиграетъ въ глазахъ

присяжныхъ засѣдателей и главнымъ образомъ по двумъ причинамъ: во 1-хъ то, что повторяется рѣдко, всегда производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ обыденное, заурядное, а во 2-хъ, ограничиваясь приведеніемъ къ присягѣ только одинъ разъ во всю сессію, не трудно будетъ соблюсти при этомъ надлежащую торжественность. Правосудіе отъ этого точно такъ же ничего не потеряетъ, потому что въ основѣ присяги, все-таки останется то же религіозное чувство присяжныхъ, которое и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, не дозволитъ имъ нарушать данную ими передъ Богомъ клятву, судить по правдѣ и рѣшать по совѣсти всѣ дѣла, въ разсмотрѣніи которыхъ они будутъ, участвовать. Словомъ, сущность останется та же. Измѣнить придется только текстъ присяги: вмѣсто клятвеннаго обѣщанія, даваемаго присяжными на одно только дѣло, придется вставить другое, — даваемое на всѣ тѣ, назначенныя въ сессію, дѣла, къ разсмотрѣнію которыхъ каждый изъ присяжныхъ засѣдателей будетъ призванъ.

Противъ такого способа приведенія присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ можно возразить, что онъ поведетъ опять-таки къ профанаціи ея, въ виду того, что присяжные засѣдатели избираются на каждое отдѣльное дѣло по жребію, отчего нерѣдко случается, что нѣкоторые изъ присяжныхъ, въ теченіи всей сессіи, ни разу не попадаютъ въ комплектъ присутствія присяжныхъ ни на одно дѣло, почему принятая ими одновременно съ другими въ началѣ сессіи присяга, будетъ имѣть характеръ непроизводительной и безцѣльно выполненной религіозной обрядности.

Однако съ этимъ врядъ-ли можно согласиться, ибо, допуская принятіе присяги всѣмъ составомъ присяжныхъ засѣдателей, защитники намѣченнаго нами порядка, выходятъ изъ того вполнѣ вѣроятнаго предположенія, что при относительно незначительномъ числѣ присяжныхъ и достаточномъ количествѣ дѣлъ, разсматриваемыхъ обыкновенно въ теченіи сессіи, каждый изъ присягавшихъ непремѣнно будетъ выбаллотированъ жребіемъ, хотя бы на одно какое-нибудь дѣло. Конечно, этого можетъ и не случиться, но и въ такомъ случаѣ большой бѣды не послѣдуетъ, потому что врядъ-ли будетъ справедливо утверждать, что отъ совершенно побочнаго, случайнаго обстоятельства, можетъ пострадать святость присяги. Кто, въ самомъ дѣлѣ, станетъ осуждать существующій порядокъ за то, что запасные присяжные почти всегда, а комплектные иногда (въ случаѣ необходимости отложить дѣло), присягаютъ даромъ? Съ другой стороны, профанація обряда присяги несомнѣнна въ тѣхъ случаяхъ (на практикѣ довольно обыденныхъ), когда присяжный засѣдатель, попадая въ составъ присутствія по всѣмъ дѣламъ, назначеннымъ къ слушанію въ одинъ и тотъ же день, по прошествіи каждаго часа или получаса, передъ каждымъ разсматриваемымъ дѣломъ, иногда по 5 и по 6 разъ, долженъ подходить къ аналою, по стольку же разъ произносить одно и то же клятвенное обѣщаніе и столько же разъ цѣловать Крестъ и св. Евангеліе. Сверхъ того существующій порядокъ оскорбителенъ и для достоинства присяжныхъ. Напоминая имъ безпрестанно объ обязанности судить по совѣсти, онъ, какъ будто,

не довѣряетъ нравственности тѣхъ, кого самъ законъ облекаетъ высокимъ, безконтрольнымъ званіемъ совѣстныхъ судей.

Однако въ пользу теперешняго порядка привода къ присягѣ по каждому дѣлу особо, существуетъ одинъ весьма вѣсскій доводъ, поколебать который, по нашему мнѣнію, рѣшительно невозможно.

Этотъ неоспоримый доводъ заключается въ необходимости, предоставить каждому подсудимому возможность, присутствовать при исполненіи обряда присяги, именно тѣмъ составомъ судей совѣсти, которые будутъ рѣшать его дѣло.

Присяга присяжныхъ засѣдателей, представляетъ собою для подсудимаго существеннѣйшую гарантію въ томъ, что его будутъ судить дѣйствительно по совѣсти и по долгу выполненной ради личнаго его дѣла клятвы. Поэтому было бы крайне несправедливо, лишить подсудимаго права и возможности, провѣрить лично исполненіе этой въ высшей степени важной для него гарантіи. А между тѣмъ, въ случаѣ допущенія одной общей присяги, такое право само собой было бы неосуществимо.

Въ доказательство же того, какъ крѣпко сами подсудимые держатся за это свое право, можно прежде всего сослаться на нашу кассаціонную практику. Случалось не разъ, что сенатъ кассировалъ дѣла по ссылкѣ подсудимыхъ на несоблюденіе всѣхъ установленныхъ для присяги обрядовъ.

Сверхъ того и изъ жизни нашего суда присяжныхъ, можно привести не мало такихъ примѣровъ, которые указываютъ, какъ подсудимые, конечно, въ личныхъ своихъ интересахъ, относятся строго къ исполненію присяжными засѣдателями обряда присяги.

Одинъ изъ присяжныхъ, мѣстный чиновникъ (дѣло происходило въ уѣздномъ городѣ), во время исполненія обрядя присяги, стоя позади другихъ, вынулъ изъ кармана табакерку, началъ нюхать табакъ, потомъ сталъ громко и усиленно сморкаться, и не успѣлъ покончить съ своимъ носомъ даже и тогда, когда подошла его очередь цѣловать Крестъ и Евангеліе.

Обо всемъ этомъ тотчасъ же заявилъ суду, самъ подсудимый, слѣдившій за обрядомъ присяги, и судъ призналъ необходимымъ, вторично привести этого присяжнаго засѣдателя къ присягѣ. Но тогда подсудимый объявилъ суду, что онъ этому присяжному ввѣрить свою судьбу не можетъ, «потому, какой же онъ судья есть, когды табакомъ во время присяги занимался».

Къ этому заявленію самого подсудимаго, защитникъ его присоединилъ ходатайство о замѣнѣ этого присяжнаго однимъ изъ запасныхъ, и судъ это ходатайство удовлетворилъ.

Въ другомъ случаѣ, подсудимый, по удаленіи присяжныхъ засѣдателей въ совѣщательную комнату, для избранія старшины заявилъ суду, что одинъ изъ нихъ не поцѣловалъ Креста и Евангелія, что и подтвердилось вполнѣ.

Наконецъ укажемъ еще на одинъ случай, когда трое подсудимыхъ заявили суду общую просьбу, объ исключеніи изъ состава присутствія присяжныхъ, одного купца, который во время исполненія обряда присяги, стоя за колонной залы, считалъ вынутыя изъ боковаго своего кармана деньги.

Говоря о порядкѣ исполненія присяжными ихъ судейской присяги, нельзя не коснуться и той степени религіозности, съ которою присяжные засѣдатели разныхъ классовъ, сословій и оттѣнковъ, относятся къ исполненію этого обряда.

Въ этомъ отношеніи, на основаніи многихъ наблюденій нельзя не отмѣтить того прискорбнаго явленія. что многіе присяжные засѣдатели, исключительно изъ образованнаго класса людей, относятся къ обряду присяги безъ должнаго уваженія, видимымъ образомъ выказывая къ нему какое-то внѣшнее, если не пренебреженіе, то равнодушіе, такъ, напр., они не поднимаютъ, какъ слѣдуетъ настоящимъ образомъ, руки, не произносятъ совсѣмъ словъ присяги, иные цѣлуютъ одинъ только Крестъ, иные одно только Евангеліе, нѣкоторые во все время присяги безмолвно и безучастно стоятъ гдѣ нибудь въ сторонѣ въ углу, облокотившись объ стѣнку, фактически не участвуя ничѣмъ въ исполненіи обряда, и даже глядя по сторонамъ, или дѣлая наблюденія въ окна о томъ, что творится въ ту минуту на улицѣ.

Можетъ быть такое отношеніе къ присягѣ и является послѣдствіемъ того, что присяжные засѣдатели выполняютъ ее слишкомъ уже часто, но однако, при тѣхъ же условіяхъ, присяжные засѣдатели изъ простолюдиновъ и вообще изъ лицъ средней среды, не дозволяютъ себѣ столь предосудительнаго поведенія передъ Крестомъ и Евангеліемъ.

Намъ извѣстенъ одинъ случай, когда присяжный засѣдатель изъ образованнаго класса, и при томъ человѣкъ весьма виднаго и значительнаго общественнаго положенія, попавшій по жребію въ составъ присутствія присяжныхъ, по забывчивости своей не подошелъ къ аналою вмѣстѣ съ другими присяжными, и такимъ образомъ не выполнилъ совсѣмъ присяги. Обстоятельство это было замѣчено предсѣдательствующимъ въ то время, когда присяжные засѣдатели прикладывались уже ко Кресту и Евангелію. Неприсягавшій присяжный засѣдатель, немедленно присоединилея къ группѣ другихъ присяжныхъ, и вслѣдъ за ними хотѣлъ точно также поцѣловать Крестъ и Евангеліе.

— Господинъ присяжный засѣдатель, вы кажется не присягали, остановилъ его вдругъ предсѣдательствующій.

— Да... но это все равно... отвѣчалъ этотъ присяжный, подходя уже къ аналою, съ какою то совершенно не умѣстною улыбкою.

— Это можетъ быть все равно для васъ лично, но не для суда и не для подсудимаго, спокойно, но внушительно замѣтилъ ему предсѣдательствующій, и предложилъ священнику привести его къ присягѣ отдѣльно.

Вообще поверхностное отношеніе къ обряду присяги со стороны присяжныхъ интеллигентныхъ, въ судахъ нашихъ явленіе не исключительное.

На ряду съ приведеннымъ выше случаемъ, можно указать еще на фактъ, когда подсудимый на сессіи въ уѣздномъ городѣ, по окончаніи выбора присяжныхъ, заявилъ суду, что одного изъ нихъ, онъ къ присягѣ допустить не можетъ.

— Это почему? спросилъ его предсѣдательствующій.

— Да потому господа судьи, господа начальство, отвѣчалъ онъ, что барину этому, что есть присяга, что нѣтъ, все единственно, потому какъ въ церковь онъ не ходитъ, и хоша баринъ въ учёности былъ, свѣтлыя понятія должонъ имѣть, а вотъ уже сколько годовъ доподлинно намъ извѣстно, у исповѣди не былъ и не бываетъ.

Приводимъ кстати не лишенную интереса, выдержку изъ письма одного священника, близко касающуюся вопроса о религіозности присяжныхъ.

«Много лѣтъ, пишетъ онъ намъ, привожу я нашихъ присяжныхъ къ присягѣ, многіе изъ нихъ—почти больше всё простой народъ, торговцы да крестьяне, ремесленники, дворянъ-помѣщиковъ у насъ мало, а все же попадаютъ въ судьи и они, чиновниковъ больше нихъ. Какъ вамъ сказать, который человѣкъ ближе къ природѣ себя держитъ, тотъ больше о своей душевной обязанности думаетъ. Присяга великое дѣло, а судить ближняго еще того бо́льшее, по присягѣ человѣкъ самъ себя показываетъ, какъ онъ къ страху Божіему относится и долгъ свой судейскій понимаетъ».

«Идетъ присяжный къ аналою, дума судейская на немъ лежитъ, всѣ помыслы его сосредоточены на одномъ предлежащемъ ему важномъ дѣлѣ, присягу онъ выполняетъ боязненно, цѣлованію Креста и Евангелія придаетъ не обыденный не ординарный тонъ, ко Кресту идетъ поклонъ, отъ Креста и Евангелія—другой. Такіе все больше бываютъ изъ простыхъ, объясняетъ дальше священникъ, знаній у нихъ можетъ быть и меньше, да понятій души больше. Не то наши чиновнички и люди себя почитающіе благородными да учеными, мало у нихъ усердія къ своему дѣлу совѣсти, много они на себя и на познанія свои надѣятся, къ выполняемому церковному обряду относятся не съ должнымъ рвеніемъ, тщетно бываютъ заняты лжесознаніемъ, что для нихъ присяга не есть дѣло важное».

«А впрочемъ, такъ оканчиваетъ отецъ іерей свое письмо, не въ обидность имъ всѣмъ сказать, и внимательные къ присягѣ и не внимательные, наши присяжные судятъ хорошо, много ими всѣ довольны, вотъ уже сколько лѣтъ у насъ судъ этотъ идетъ, а никто не скажетъ, чтобы кого они невѣрно осудили».

Присяжные засѣдатели по смыслу закона, присягаютъ каждый сообразно съ догматами и обрядами своего вѣроисповѣданія, причемъ присяжные засѣдатели не православнаго вѣроисповѣданія, должны быть приводимы къ присягѣ духовными лицами ихъ вѣроисповѣданій, а при отсутствіи послѣднихъ, предсѣдательствующими въ судебныхъ засѣданіяхъ. И наконецъ, отъ лицъ, принадлежащихъ къ вѣроученіямъ, непріемлющимъ присяги, отбирается торжественное обѣщаніе, соотвѣтствующее смыслу присяжнаго обѣщанія.

Въ большинствѣ случаевъ, въ нашихъ окружныхъ судахъ, присяжные засѣдатели состоятъ изъ лицъ православнаго вѣроисповѣданія, но почти всегда въ очередныхъ спискахъ присяжныхъ, оказываются лица и иныхъ христіанскихъ и нехристіанскихъ вѣроисповѣданій, а также и послѣдователи разныхъ сектъ и вѣроученій, непріемлющихъ ни священства, ни присяги.

Послѣдніе, по существу ихъ вѣроученій, освобождаются отъ исполненія обряда присяги, взамѣнъ чего предсѣдательствующіе предлагаютъ имъ дать публичное обѣщаніе, исполнить обязанность присяжнаго по совѣсти и справедливости. Законъ не регламентируетъ, въ какой именно формѣ и въ какомъ видѣ должна быть выполняема на судѣ эта формула торжественнаго обѣщанія, а потому въ разныхъ судахъ она осуществляется различнымъ образомъ, сообразно личнымъ взглядамъ предсѣдательствующихъ.

Такое разнообразіе въ выполненіи на судѣ обрядности, имѣющей значеніе того же клятвеннаго обѣщанія, едва-ли можетъ быть признаваемо за нормальное, такъ какъ торжественное обѣщаніе сектантовъ, замѣняя для нихъ присягу, должно быть обставлено по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, одними и тѣми же условіями. Неопредѣленность въ этомъ отношеніи указаній закона, равносильна тому, какъ, если бы законъ предоставлялъ предсѣдательствующимъ, допускать присягу присяжныхъ засѣдателей по разнымъ формамъ, такъ какъ въ сущности присяга и торжественное обѣщаніе представляютъ собою одно и то же, и разница между ними заключается не во внутреннемъ ихъ смыслѣ и значеніи, а только въ наружной, обрядовой сторонѣ.

А между тѣмъ, неопредѣлительность въ законѣ, относительно торжественныхъ обѣщаній ведетъ къ тому, что на судѣ они выполняются самымъ разнообразнымъ образомъ.

Въ иныхъ случаяхъ, предсѣдательствующій у судейскаго стола объявляетъ непріемлющимъ присяги, что они должны дать торжественное обѣщаніе судить по правдѣ, чѣмъ все и оканчивается. Другіе предсѣдательствующіе требуютъ, чтобы такіе присяжные, своими словами дали передъ судомъ торжественное обѣщаніе судить по совѣсти, причемъ обѣщаніе это заставляютъ подтвердить клятвою, т.-е. въ сущности требуютъ той же присяги, но только не передъ Крестомъ и Евангеліемъ, а лично передъ собою.

Иногда сектанты, наиболѣе строго и ревниво относящіеся къ своему вѣроученію, отказываются отъ исполненія подобныхъ требованій предсѣдательствующихъ, и отсюда возникаютъ такого рода недоразумѣнія и препирательства религіозныхъ оттѣнковъ, которыя должны быть признаваемы крайне неудобными, въ обстановкѣ публичныхъ судебныхъ засѣданій.

Намъ извѣстенъ случай, когда одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей-сектантовъ отказался повторять за предсѣдательствующимъ, слова торжественнаго обѣщанія, находя, что это та же присяга, а что онъ присяги принимать не можетъ. Предсѣдательствующій настаивалъ на повтореніи за нимъ того, что онъ говоритъ, доказывая, что онъ требуетъ лишь торжественнаго обѣщанія. Однако присяжный попрежнему упорствовалъ, указывая на то, что въ словахъ торжественнаго обѣщанія, произносимаго предсѣдательствующимъ, заключается текстъ присяги. Отсюда между предсѣдательствующимъ и присяжнымъ засѣдателемъ произошло цѣлое пререканіе, окончившееся рѣшительнымъ отказомъ со стороны присяжнаго, исполнить требованіе предсѣдателя, и его заяв-

леніемъ, что «вѣры своей онъ ни ради какой власти ломать не будетъ». Судъ занесъ въ протоколъ отказъ присяжнаго засѣдателя, отъ исполненія торжественнаго обѣщанія, и слова его на счетъ «власти», для возбужденія противъ него уголовнаго преслѣдованія, а сектанта, не пожелавшаго убѣдиться доводами предсѣдателя, исключилъ изъ состава присяжныхъ и замѣнилъ его другимъ—запаснымъ.

Вотъ до чего доводитъ иногда предсѣдателя, отсутствіе разъ на всегда установленной формулы торжественнаго обѣщанія. Если въ данномъ случаѣ, и можно обвинить во всемъ, незнакомство предсѣдателя съ сущностью религіозныхъ убѣжденій присяжнаго, то вѣдь такое знакомство и не обязательно, а между тѣмъ оно нерѣдко вноситъ въ религіозную обрядность присяги и торжественныхъ обѣщаній, совершенно неумѣстный элементъ комизма.

Вотъ нѣсколько случаевъ, подтверждающихъ вполнѣ наше заключеніе.

Въ одномъ судебномъ засѣданіи, присяжный засѣдатель изъ сектантовъ заявилъ предсѣдательствовавшему члену суда, что онъ присяги принимать не можетъ, а можетъ только обѣщать по правдѣ. Изъ разговора съ присяжнымъ, предсѣдательствующій почему-то заключилъ, что послѣдній принадлежитъ къ сектѣ субботниковъ, и на этомъ основаніи, при произнесеніи обѣщанія «судить по правдѣ», приказалъ ему надѣть на голову шапку: таковъ-де обрядъ у субботниковъ, и это лично извѣстно ему, предсѣдателю.

Смущенный такимъ неожиданнымъ и страннымъ требованіемъ, крестьянинъ, не безъ крайняго недоумѣнія, исполнилъ приказаніе предсѣдательствующаго, но тутъ же заявилъ, что онъ «иконы почитаетъ и чтитъ власть земнаго вседержителя, а потому предъ Божьимъ и Царевымъ изображеніями стоять ему съ покрытою головою не гоже, и что онъ хотя у попа руки не цѣлуетъ, но все-таки состоитъ православнымъ христіаниномъ, по древлему православію и никакого Божескаго дѣла съ покрытою головою не дѣлаетъ».

Другой случай не менѣе характеренъ: старикъ присяжный «по рогожской вѣрѣ», выполнивъ присягу, прочтенную ему предсѣдательствующимъ, отказался поцѣловать Крестъ и Евангеліе на томъ основаніи, что этотъ Крестъ и Евангеліе «не по ихъ вѣрѣ». Несмотря на такое заявленіе, предсѣдатель, ссылаясь на то, что Крестъ и Евангеліе вездѣ одинаковы, и что дѣло не въ нихъ, а въ совѣсти, категорически потребовалъ отъ старика, повиновенія своей волѣ. Старикъ оробѣлъ и поцѣловалъ православный Крестъ и Евангеліе, но тутъ же, быстро отойдя отъ стола, на которомъ они лежали, довольно громко произнесъ: «грѣхъ на мнѣ не по моей винѣ,—прости меня, пресвятая церковь и Господь Вседержитель».

Эта сцена произвела на всѣхъ присутствовавшихъ въ судѣ, крайне тяжелое впечатлѣніе и далеко не въ пользу предсѣдателя, такъ какъ старикъ присяжный былъ совершенно правъ, а предсѣдательствующій, во первыхъ, выказалъ нѣкоторую безтактность въ столь щекотливомъ вопросѣ религіознаго свойства, а во вторыхъ, произвелъ незаконное давленіе и насиліе надъ совѣстью присяжнаго.

Напомнимъ здѣсь кстати о хорошемъ обычаѣ столичныхъ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ судовъ—имѣть у себя всегда подъ рукой старообрядческій Крестъ и такое же Евангеліе, которые и предъявляются присяжнымъ старообрядцамъ при выполненіи ими присяги.

Еще эпизодъ.

Подсудимый на судѣ заявляетъ предсѣдательствующему, что вотъ этотъ присяжный (старообрядецъ), исполняя присягу, обязанъ снять сапоги и присягать на-голо.

— Зачѣмъ же это нужно, обратился предсѣдательствующій къ подсудимому.

— Нужно такъ, потому по ихъ вѣрѣ, когда Бога въ свидѣтели призываетъ, долженъ онъ босой стоять; намъ это доподлинно извѣстно, по сусѣдству съ ними живемъ, всякое такое ихъ дѣло знаемъ, безпремѣнно они завсегда безъ сапогъ, когда Богу молятся.

Присяжный старикъ на это ничего не отвѣтилъ, а сапогъ не снялъ, предсѣдательствующій остался въ недоумѣніи, подсудимый на исполненіи своего требованія не настаивалъ, и вопросъ о сапогахъ, какъ о религіозномъ элементѣ въ старообрядческой присягѣ, остался открытымъ.

Въ другомъ случаѣ намъ извѣстно, что товарищъ предсѣдателя, при выполненіи какимъ-то сектантомъ торжественнаго обѣщанія, приказалъ ему сложить крестообразно на груди руки, на томъ основаніи, что это требуется будто по закону ихъ вѣры. Присяжный вопросительно посмотрѣлъ на предсѣдательствующаго, требованія его не исполнилъ, и отвѣтилъ, что его вѣрованія къ такому дѣйствію нисколько его не обязываютъ.

Такіе и подобные имъ случаи повторяются въ нашихъ судахъ нерѣдко, а потому казалось бы, что для достоинства самаго акта присяги и торжественныхъ обѣщаній, а также для устраненія крайней неловкости положенія присяжныхъ изъ старообрядцевъ и послѣдователей другихъ вѣроученій, пріемлющихъ и непріемлющихъ присягу, слѣдовало бы поставить окружные суды въ извѣстность о томъ, какимъ порядкомъ и при соблюденіи какихъ именно условій, должны быть выполняемы присяга старообрядцевъ и даваемыя другими сектантами взамѣнъ присяги торжественныя обѣщанія.

По отношенію къ послѣднимъ слѣдуетъ еще замѣтить, что нерѣдко предсѣдательствующіе выполняютъ обрядность о торжественномъ обѣщаніи такимъ образомъ: читаютъ по книгѣ передъ сектантомъ, непріемлющимъ присяги, подлинный текстъ ея, за исключеніемъ въ началѣ его слова «клянусь», а затѣмъ, по окончаніи этого чтенія, требуютъ произнесенія публично словъ: «торжественно обѣщаюсь».

Въ такомъ видѣ торжественное обѣщаніе, сводится къ той же присягѣ, которую сектантъ не признаетъ, а потому даваемое имъ обѣщаніе, а въ сущности непризнаваемая имъ присяга, должно быть признаваемо ничего не значущимъ. А такой результатъ, съ точки зрѣнія правосудія, врядъ-ли желателенъ, такъ какъ если присяга и торжественныя обѣщанія присяжныхъ за-

ключаютъ въ себѣ гарантію справедливости приговоровъ ихъ, то они должны сопровождаться выполненіемъ не одной только внѣшней формальности, а всѣхъ тѣхъ условій, въ которыхъ выражаются истинные религіозные взгляды и вѣрованія присягающихъ и обѣщающихъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ, относительно присяги присяжныхъ засѣдателей изъ иновѣрцевъ.

По закону они приводятся къ присягѣ согласно съ догматами и обрядами ихъ вѣры, духовными лицами ихъ вѣроисповѣданій, а когда въ мѣстѣ засѣданія суда не окажется таковыхъ то предсѣдательствующимъ на судѣ.

Поэтому иновѣрцы христіанскихъ вѣроисповѣданій, а также евреи, караимы и магометане, приводятся къ присягѣ почти всегда предсѣдательствующими, такъ какъ иновѣрныя духовныя лица, за рѣдкими исключеніями, никогда почти въ засѣданія суда не приглашаются, вслѣдствіе чего и не могутъ «оказываться» въ судахъ.

Между тѣмъ почти всѣ окружные суды, особенно въ наиболѣе крупныхъ центрахъ, не лишены возможности приглашать въ свои засѣданія духовныхъ лицъ лютеранскаго и католическаго вѣроисповѣданій, такъ какъ лютеранскіе пасторы и католическіе пробощи, находятся почти во всѣхъ губернскихъ городахъ.

Повсемѣстное игнорированіе судами духовныхъ особъ иновѣрныхъ вѣроисповѣданій, на томъ основаніи, что обязанности ихъ могутъ быть выполнены и предсѣдательствующими, нельзя признать за соотвѣтствующее вполнѣ требованіямъ закона.

Въ этомъ отношеніи, весьма многіе изъ присяжныхъ засѣдателей иновѣрцевъ, совершенно основательно ропщутъ, что судъ оказываетъ пренебреженіе къ ихъ религіи, не приглашая въ засѣданія суда духовныхъ лицъ ихъ вѣроисповѣданій.

Несомнѣнно также, что каждый, придерживающійся догматовъ своей религіи, будь онъ христіанинъ или нѣтъ, вправѣ требовать, чтобы его освободили отъ исполненія обрядовъ чужой вѣры, а между тѣмъ многіе изъ нашихъ предсѣдательствующихъ въ судахъ, будучи сами обязаны приводить католиковъ и лютеранъ къ присягѣ, за отсутствіемъ духовныхъ лицъ ихъ вѣроисповѣданій, нерѣдко «для скорости» предлагаютъ и тѣмъ и другимъ, исполнять присягу вмѣстѣ съ православными присяжными засѣдателями, передъ православнымъ священникомъ и по обряду православной церкви.

По этому поводу многіе присяжные католики и лютеране, глубоко приверженные къ своей религіи, заявляютъ, что исполненіе обряда присяги передъ лицомъ предсѣдательствующаго на судѣ, какъ лица свѣтскаго, и притомъ представителя власти, несравненно менѣе затрогиваетъ ихъ религіозное чувство, нежели присяга черезъ православнаго священника.

Въ первомъ случаѣ, присягѣ своей, выполняемой ими внѣ религіозной обрядности своего ученія, они придаютъ характеръ лишь обѣщанія судить по совѣсти, къ чему ихъ обязываетъ простое нравственное чувство граж-

данъ, избранныхъ для этой цѣли довѣріемъ общества; въ послѣднемъ же случаѣ, т. е. когда имъ предлагаютъ исполнять обрядъ присяги у православнаго священника, каждый изъ нихъ, приступая къ этому религіозному обряду, не у своего духовнаго лица, чувствуетъ себя какъ-то неловко, и чувство это должно быть понятно всякому развитому и образованному человѣку, который свой религіозный культъ стремится сохранить неприкосновеннымъ.

Намъ могутъ возразить, что предсѣдательствующіе только «предлагаютъ» христіанскимъ иновѣрцамъ присягать у православнаго священника и при этомъ всегда съ крайнею любезностью заявляютъ, что «если присяжные изъ лютеранъ и католиковъ не пожелаютъ присягать у православнаго священника, то они будутъ приведены къ присягѣ ими, предсѣдательствующими».

Не трудно однако-же понять, что такое предложеніе, въ сущности граничитъ очень близко съ требованіемъ, ибо всякій отказъ иновѣрцевъ отъ исполненія присяги у православнаго священника, неминуемо будетъ истолкованъ въ смыслѣ неделикатнаго, а подчасъ и неуважительнаго отношенія къ представителю православія, а кто же изъ иновѣрцевъ, сколько-нибудь образованныхъ, пожелаетъ публично, передъ массой народа, оказывать въ такой явной формѣ пренебреженіе къ первенствующей религіи!

И вотъ, не безъ нѣкотораго насилія надъ своею совѣстью, присяжные иновѣрцы выражаютъ согласіе на предложеніе предсѣдательствующаго, и идутъ, хотя и скрѣпя сердце, выполнять присягу у православнаго священника.

Такого рода соображенія, намъ лично приходилось выслушивать не разъ отъ самихъ присяжныхъ засѣдателей изъ лютеранъ и католиковъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ совершенно основательно проводили ту мысль, что если они изъ деликатности не заявляютъ передъ судомъ о нежеланіи своемъ присягать у православнаго священника, то почему же предсѣдательствующіе не проникнутся по отношенію къ нимъ, тою же деликатностью, и чтобы не смущать ихъ религіознаго чувства и не ставить ихъ въ неловкое положеніе, передъ своими религіозными убѣжденіями, не примутъ къ исполненію въ высшей степени гуманнаго предписанія закона, идущаго рука объ руку съ полною вѣротерпимостью, чтобы иновѣрцы христіанскаго вѣроисповѣданія исполняли присягу или черезъ духовныхъ лицъ ихъ вѣроисповѣданій, или же чрезъ предсѣдательствующихъ на судѣ.

Впрочемъ въ судебной практикѣ было нѣсколько случаевъ, что лютеране и католики отказывались принимать присягу у православнаго священника, и требовали, чтобы обрядъ этотъ былъ передъ ними выполненъ предсѣдательствующимъ.

Одно изъ такихъ требованій заключилось комическимъ эпизодомъ.

Присутствовавшій на судѣ православный священникъ, оскорбился отказомъ нѣмца принять у него присягу, и по окончаніи засѣданія, приставъ къ послѣдователю Лютера съ распросомъ: „нѣтъ, ты скажи, нѣмецъ, чѣмъ твоя вѣра лучше нашей и почему ты меня обошелъ“? Сверхъ того онъ пообѣщалъ

нѣмцу, подбить своихъ прихожанъ, отказать ему въ дальнѣйшемъ содержаніи мельницы, которую тотъ арендовалъ у сельскаго общества, а въ концѣ концовъ донесъ еще на него благочинному, что онъ „мутитъ православный духъ".

Количество нехристіанъ въ числѣ присяжныхъ засѣдателей такъ не велико, въ общей массѣ нашихъ присяжныхъ, что вопросъ о порядкѣ выполненія ими на судѣ присяги чрезъ предсѣдательствующихъ, не можетъ имѣть особенно важнаго значенія, хотя нельзя не сказать, что присяга евреевъ для ея дѣйствительнаго значенія, должна быть обставлена такимъ множествомъ талмудическихъ тонкостей, которыя не всегда на судѣ, возможно было бы даже и осуществить.

Вотъ, напримѣръ, случай изъ судебный практики, затронувшій вопросъ объ обстановкѣ потребной для дѣйствительности еврейской присяги.

Подсудимый, по поводу нахожденія въ составѣ присутствія присяжныхъ по его дѣлу, двухъ евреевъ, заявилъ предсѣдателю, что той присягѣ, которую они выполнили передъ нимъ, онъ вѣрить не можетъ, потому что эта присяга для нихъ ничего не значитъ, «всяческую фальшь они по ней могутъ сдѣлать, а что настоящая присяга на правду, у нихъ своя особенная—жидовская».

— Про какую же вы присягу говорите? обратился предсѣдательствующій къ подсудимому, я привелъ ихъ къ присягѣ по закону, и другой присяги дать имъ не могу.

— Вѣрно, ваше превосходительство, говорю вамъ, тономъ глубокаго убѣжденія объяснялъ предсѣдательствующему подсудимый, отставной солдатъ, доподлинно вѣрно знаю, что настоящая присяга у нихъ особенная есть, херимомъ прозывается, и очень хорошо мы ее знаемъ, и сколько разъ сами видали, потому какъ съ полкомъ въ самомъ ихнемъ жидовскомъ царствѣ стояли—въ Бердичевѣ, опять же и въ Шкловѣ....

— Въ чемъ же заключается эта особенная присяга, поинтересовался узнать предсѣдательствующій.

— Первое дѣло, ваше превосходительство, съ тономъ знатока объяснялъ солдатикъ, должонъ онъ, значитъ еврей, подъ херимомъ свою рубашку смертную надѣть, бѣлыя такія у нихъ большія рубахи есть, потомъ цицели свои изъ подъ одежды выпустить, въ одну руку свой законъ взять, а въ другую черную свѣчку зажечь, опять же шлепанцы съ ногъ сбросить и на свиную кожу ногами стать, потомъ какъ самую присягу горготать кончитъ, должонъ онъ черную свѣчку самъ загасить, это значитъ, чтобъ его душа такъ передъ Богомъ погасла, какъ эту свѣчку онъ загасилъ, коли что ежели онъ правду не скажетъ.

Этотъ разсказъ подсудимаго вызвалъ въ засѣданіи суда всеобщій смѣхъ, хотя по тону, съ которомъ онъ передавалъ его, видно было совершенно ясно, что подсудимый говорилъ не ради потѣхи публики, а изъ рѣшительнаго убѣжденія, что только такой присягѣ евреевъ, онъ можетъ довѣрить безбоязненно свою судьбу.

Тѣмъ не менѣе предсѣдательствующій, оставилъ просьбу подсудимаго безъ послѣдствій, заявивъ ему, что выполненная передъ нимъ присяжными евреями

присяга, вполнѣ законна. Однако же разсказъ подсудимаго, даже въ средѣ присутствовавшей въ засѣданіи суда публики, возбудилъ недоумѣніе относительно того, можно ли съ довѣріемъ относиться къ присяжнымъ засѣдателямъ изъ евреевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они присягаютъ безъ тѣхъ аттрибутовъ, о которыхъ такъ убѣдительно упоминалъ солдатикъ, повидимому, въ своемъ родѣ знатокъ и спеціалистъ, изъ такихъ препрославленныхъ еврейскихъ мѣстностей, какъ Шкловъ и Бердичевъ.

Еще нѣсколько словъ.

Присяжные евреи на судѣ передъ судейскимъ столомъ, присягаютъ обыкновенно накрывъ голову шапкой, что и согласно съ талмудическимъ ученіемъ; но нѣкоторые предсѣдательствующіе приказываютъ евреямъ присягать безъ шапокъ, находя невозможнымъ дозволять кому бы то ни было, стоять съ покрытой головой въ присутствіи суда, гдѣ находятся св. иконы и изображеніе Государя Императора, и признавая такой порядокъ приведенія евреевъ къ присягѣ, несовмѣстимымъ съ достоинствомъ самого суда.

Евреи нерѣдко противъ такихъ требованій предсѣдательствующихъ протестуютъ, заявляя, что съ непокрытой головой они присягать не могутъ, и наконецъ болѣе догадливые, чтобы не обидѣть „високое нацальство“, сдаются на компромиссъ—не надѣваютъ шапку совсѣмъ на голову, а только придерживаютъ ее рукою надъ самой головой.

Это ли не комедія?!

И можетъ-ли быть допускаема на судѣ, какая-либо неопредѣлительность въ порядкѣ исполненія обряда присяги, когда послѣдняя заключаетъ въ себѣ и для подсудимаго, и для общества, гарантію въ томъ, что представители суда общественной совѣсти, присяжные засѣдатели, исполнятъ свою обязанность передъ обществомъ по правдѣ, справедливости и по долгу выполненной ими присяжной клятвы!

IV.

Отношенія суда къ присяжнымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что всякое общественное учрежденіе, тогда только въ состояніи съ полнымъ успѣхомъ, выполнять свое предназначеніе, когда всѣ входящіе въ составъ его элементы, будутъ въ равной степени содѣйствовать одинъ другому, будутъ имѣть въ виду, одну только общую всѣмъ имъ цѣль, и устраняя въ совокупной своей дѣятельности, всякіе личные виды, и вопросы, не имѣющіе никакого соотношенія къ дѣлу, не будутъ служить одинъ другому помѣхой, съумѣютъ каждый въ отдѣльности понять свое мѣсто и значеніе и, что важнѣе всего, не станутъ предъявлять никакихъ попозновеній, на разрѣшеніе иногда крайне неумѣстныхъ и вредныхъ для дѣла вопросовъ о томъ, кто такіе мы, и что такое вы.

19215
81.